

© 2020. **И. А. Виноградов**
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Н. В. Гоголь и законы Российской Империи: к единству наследия писателя

Впервые анализируется единое для всех жанров и периодов творчества Гоголя направление его деятельности как писателя-сатирика — следование в критическом осмыслении действительности действующим законам Российской Империи и установлениям Церкви, определяющим в православной державе правительственные постановления. Подчеркивается, что зародившееся в школьные годы стремление Гоголя посвятить себя юстиции он пронес через всю жизнь. Свое творчество, а также наследие Гомера, Державина, Фонвизина, Грибоедова писатель рассматривал как воспитательные, «законодательные» для современников; каждое без исключения произведение создавал, по его собственным признаниям, в качестве поддержки «правдивых законов» государства и Церкви. В работе последовательно прослеживаются реминисценции с «Полным собранием законов Российской Империи» первого гоголевского цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», сборника «Миргород», «петербургских» повестей, «Ревизора», «Мертвых душ», комедии «Игроки» и др. Из правительственных указов, нашедших отражение в произведениях Гоголя, — законы о суевериях, о пьянстве, о винных откупах и корчемстве, постановления о недоимках, указы о «ревизии душ» и «ревизии дел», запретительные указы о взятках, ростовщичестве, роскоши, контрабанде, о распутстве, карточной игре и пр.

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, общественная идеология, закон, законодательство, законность, духовное наследие.

Информация об авторе: Виноградов Игорь Алексеевич, ORCID 0000-0002-9151-4554, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25 а, 121069 г. Москва, Россия

E-mail: info@imli.ru

Дата поступления: 12.03.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и законы Российской Империи: к единству наследия писателя // Два века русской классики. Т. 2. № 2. С. 66–133. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Igor' A. Vinogradov
A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Nikolai Gogol and the laws of the Russian Empire: on the unity of the writer's heritage

The direction of Nikolai Gogol's activity as a satire writer, which is one for all genres and periods of his creative work, — to follow, in a critical reflection of reality, the contemporary laws of the Russian Empire and the principles of the Church, government decisions that play the key role in an Orthodox power, — is analysed for the first time. It is stressed that Nikolai Gogol's desire to devote himself to justice, which was born in school years, he had carried through all his life. The writer considered to be upbringing, "legislative" one for contemporaries, his own creative work as well as the legacy of Homer, Gavrila Derzhavin, Denis Fonvizin, Alexander Griboyedov; he created every work without exception, according to his own confessions, as a support for the "truthful laws" of the state and the Church. Reminiscences with the "Full Collection of Laws of the Russian Empire" of the first cycle "Evenings on a Farm Near Dikanka" collection "Mirgorod", "St. Petersburg" stories, "The Government Inspector", "Dead Souls", comedy "The Gamblers" and other works by Nikolai Gogol are consistently traced in our work. Government decrees reflected in the works of Nikolai Gogol, include laws on superstition, on drinking, on wine kickbacks and on corchemism, orders on underperformance, decrees on "audit of souls" and "audit of cases", restraining decrees on bribes, usury, luxury, smuggling, debauchery, card game and all things.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creative work, social ideology, law, legislation, legality, spiritual heritage.

Information about the author: Igor' A. Vinogradov, ORCID 0000-0002-9151-4554, Doctor of Philology, Chief Investigator, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: info@imli.ru

Received: March 12, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Vinogradov I. A. Nikolai Gogol and the laws of the Russian Empire: on the unity of the writer's heritage. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 66–133. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-66-133

В 1827 г. Гоголь, будучи на последнем курсе Нежинской гимназии, писал родным: «Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству» [Гоголь 2009–2010. 10: 50]; «Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции» [Гоголь 2009–2010. 10: 74].

Мысль о «службе государству» с пристальным вниманием к сфере юстиции Гоголь пронес через всю жизнь. Известные признания писателя на этот счет, часть которых будет приведена ниже, не являются плодом позднейших домыслов художника, стремления придать своим прежним сочинениям новую идеологическую основу; они в полной мере отвечают действительному смыслу ранних произведений Гоголя.

Ни в критике, ни в исследовательской литературе до сих пор не обращалось внимания на то, какое исключительное значение для становления Гоголя имел выход в свет знаменитого «Полного собрания законов Российской Империи». Роль в общественной жизни всей России этой обширной, занявшей более пятидесяти лет работы по кодификации законов, осуществлявшейся в XIX в. по инициативе Императора Николая I, переоценить трудно. «Работа по кодификации законов всеми воспринималась положительно» [Гузаиров: 55]. Но для Гоголя, еще со школьной скамьи решившего посвятить себя юстиции, ставившего целью воспитание современников, появление этого капитального труда приобрело особое значение: оно стало во многом определяющим для его творчества.

Первые пятьдесят три тома «Полного собрания законов Российской Империи» вышли в свет в 1830 г. — в один год сразу целое многотомное издание. С 1831 по 1852 г., т. е. до конца жизни Гоголя, было напечатано еще более пятидесяти томов, обнявших более чем двухсотлетний период российского законотворчества. Подразумевая это издание, в котором были собраны российские законы начиная с середины XVII в., Гоголь в одном из «Четырех писем к разным лицам по

поводу «Мертвых душ» писал: «Вот уже почти полтора ста лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... <...> ... Правительство во все время действовало без устани. Свидетельством тому *целые томы* постановлений, узаконений...» [Гоголь 2009–2010. 6: 78] (курсив здесь и далее мой. — И. В.). По смыслу эти строки почти совпадают со словами Императора Александра I из Манифеста об учреждении Государственного Совета 1810 г.: «Усилия, кои со времен Петра Великого употребляемы были к дополнению и пояснению Гражданского нашего Права, доказывают, что тогда уже чувствовали всю важность и настоятельную нужду его исправления»¹.

В одной из университетских лекций по истории Средних веков 1834 г. Гоголь подчеркивал чрезвычайную роль в мировой истории явления, аналогичного изданию «Полного собрания законов Российской Империи». Говоря об образовании в VI в. трех важнейших составляющих древнего римского права — Дигест, Кодекса и Институций, Гоголь обращал внимание на такое же, как в деятельности императора Николая I, предприятие св. правоверного императора Юстиниана — «императора-законодателя», как определял его Гоголь: «Вступивши на престол, он велел собрать воедино все законы и постановления прежних августов. Квестор Трибониан с помощью других юрисконсультов составил в продолжение нескольких лет: кодекс, собрание постановлений всех императоров (528 <г.>), институции, сокращение римских законов для преподавания в школах (533), пандекты или дигесты (50 кн<иг>), вмещавшие все прежние собрания законов...» [Гоголь 2009–2010. 8: 169]².

Гоголевская аналогия с «Полным собранием законов Российской Империи» — «повелением Государя Императора Николая Павловича составленным» (ПСЗРИ I. Т. 1: Титульный лист) — очевидна. В статье «История средних времен» Гоголь также замечал: «Российская Держава <...> особенно <...> сделалась славной при Владимире Св<ятом>, который ввел Христианскую Веру и Науки, а сын его Ярослав смягчил

¹ 24.064. — 1810. Генваря 1. Образование Государственного Совета // Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 31: 1810–1811. С. 4 (Далее ссылки на это издание даются в тексте с использованием сокращения ПСЗРИ 1).

² «Век Юстиниана Великого, столь важный для Гражданского Законодательства, не менее важным был и для Церковного» [Розенкамф: 33].

грубые народные нравы законами, которые потом еще распространены и изъяснены были Изяславом Ярославовичем» [Гоголь 2009–2010. 8: 111]. (Среди выписок Гоголя по русской истории, сделанных в первой половине 1830-х гг., — «Правда Ярославля», «Правда Изяслава» [Гоголь 2009–2010. 8: 37–40]).

Продолжая свои размышления о законодательной деятельности правительства, Гоголь в упомянутом письме о «Мертвых душах» заключал: «А как было на это все ответствовано снизу? Дело ведь в примененье... <...> Указ, как бы он обдуман и определен ни был, есть не более как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желанья применить его к делу... <...> Без того все обратится во зло. Доказательство тому все наши тонкие плуты и взяточники, которые умеют обойти всякий указ...» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

Оценивая все свое творчество, а также наследие Гомера, Державина, Фонвизина, Грибоедова как воспитательное, «законодательное» для современников (см. ниже), Гоголь заключал: «...Это мое сочиненье, <...> которому название “Мертвые души”, — произвело ли оно то впечатление, какое должно было произвести... <...> ...Собственных мыслей <...> я не сумел передать и <...> подал повод к истолкованию их в превратную и <...> вредную <...> сторону» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

Принято считать — вполне привычно и небезосновательно, что Гоголь — это прежде всего писатель-сатирик, обличитель нравов. Однако до сих пор в науке отсутствует внятное представление о том, *что* же, в конце концов, обличает Гоголь. Парадоксально, но именно эта сфера, которая в первую очередь должна была изучаться, осталась до настоящего времени белым пятном. Еще Ю. Н. Говоруха-Отрок указывал: «Далеко ли мы ушли в понимании его созданий?.. Со времен Белинского мы только и пришли к тому, что отделяемся от Гоголя ходячими фразами...» [Говоруха-Отрок: 760–761].

На государствообразующий пафос обличений писателя указывали лишь единицы: это, кроме самого Гоголя, двое его современников и друзей — князь П. А. Вяземский [Вяземский: 309] и С. П. Шевырев (самый значимый, по оценке Гоголя, из русских критиков) [Шевырев 1842: 227–228; Шевырев 1843: 285; Шевырев 1884: 238]. Позднее об этом писали известный ученый-филолог Н. А. Котляревский [Котляревский: 285, 313–315, 333], философ И. А. Ильин [Ильин: 268–269]. Подлинный пафос гоголевских обличений вполне оценил в 1836 г. сам Государь

Николай I, разрешивший «Ревизора» к постановке и печатанию [Виноградов 2017–2018. 2: 492–494]. Цель у Гоголя и у Государя — продолжателя дела Петра I, занятого искоренением недостатков среди подданных, издателя «Полного собрания законов Российской Империи», лица, у кого проблемы России по самому роду занятий лежали перед глазами, — оказалась общей. Однако широкой публикой усилия Гоголя-сатирика остались до конца не понятыми. Уже в XIX в. российское общество развивалось по преимуществу в отрицательном, разрушительном для российской государственности направлении, главным образом под знаком декабризма, — а не по началам Православия, Самодержавия, Народности, как к тому призывало современников правительство.

Ныне назрела необходимость даже самые легкие и — на первый взгляд — только шуточные «Вечера на хуторе близ Диканьки», которые и сам Гоголь, разочарованный непониманием современников, называл «первоначальными ученическими опытами, недостойными строгого внимания читателя» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 80], прочесть серьезно, учитывая мировоззрение писателя, его опору на правительственную идеологию и законы Российской Империи. Необходимо увидеть эти повести так, как, к примеру, прочла их мать Гоголя, подметившая, что своими произведениями ее сын стремится принести пользу родному краю. Получив первую часть «Вечеров...», Мария Ивановна писала родственнице: «Николай мой все стремится быть полезным для родного края, и я несколько понимаю его цель; в сей книге он коснулся ее; но в продолжении более будет...» [Виноградов 2017–2018. 2: 135]. По-видимому, именно с этим стремлением Гоголя связано обилие перекличек содержания его ранних повестей с «Полным собранием законов Российской Империи».

Судя по всему, именно Гоголю принадлежит публикация в период создания «Вечеров...» еще одного довольно важного, сравнительно с изданием «Полного собрания законов Российской Империи», компилятивного труда по законотворческой деятельности. Как бы в дополнение к труду М. М. Сперанского в том же 1830 г. в июньском номере журнала П. П. Свиньина «Отечественные Записки» Гоголь напечатал целый свод законодательных актов о Малороссии [О прежних правах...]. Опубликованная тогда Гоголем статья представляет собой фрагмент «экстракта», составленного в 1751 г. Генеральной Войсковой

канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского. Публикация состоит из отрывков многочисленных грамот, свидетельствующих о подтверждении русскими царями «прав и вольностей» малороссиян¹, а также примеров наград и почестей, воздаваемых малороссийским гетманам со стороны русских царей. В статье приводились данные о десятикратном, на протяжении столетия (с 1654 по 1751 г.), подтверждении малороссийских привилегий.

Со статьей «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссии» прямо перекликается свидетельство земляка Гоголя, миргородского помещика В. Я. Ломиковского в письме к приятелю, И. Р. Мартосу, от 9 января 1830 г. Скорее всего, со слов матери писателя, Ломиковский сообщал об одном из «великих намерений и <...> общепользных предприятий» ее сына, а именно о стремлении Гоголя «исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей» [Виноградов 2017–2018. 2: 26]. Ломиковский передавал слова Марии Ивановны с явной иронией и преувеличением. Однако это не умаляет искренних намерений Гоголя «быть полезным для родного края». «Пользу» «для родного края» бывший министр, предводитель полтавского дворянства Д. П. Трощинский, родственник Гоголей, тоже понимал в том, чтобы частично уменьшить подати, которыми облагались в 1812 г. полтавские обыватели для содержания 6500 лошадей конного земского ополчения, — или же ходатайствовать в том же знаменательном году о замене отправки сухарей для армии, находившейся в Польше, денежным пожертвованием. Современница вспоминала: «...Он с живым участием спешил помочь несчастному народу, который рисковал потерять в этой дальней дороге волов — единственное свое достояние и средство к жизни» [Виноградов 2017–2018. 1: 228].

¹ См.: [Виноградов 2017–2018. 1: 45, 101–102, 128–131, 135, 153–154]. — См. аналогичные документы: Речь «О поправлении состояния» Малороссии <1750-е гг.> // Киевская Старина. 1882. № 10. С. 119–125; Прощение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом <К. Г. Разумовским>, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II-й в 1764 г. // Киевская Старина. 1883. № 6. С. 317–345. — В ответ на последнее прошение Екатерина II отстранила К. Г. Разумовского от его должности (ранее, в феврале 1750 г., Разумовский был избран гетманом Левобережной Украины) и передала управление Украиной второй Малороссийской коллегии.

С ходатайствами земляка Трощинского об уменьшении податей прямо перекликается в одной из повестей «Вечеров...», в «Майской ночи...», трехкратное упоминание об обязанностях сельского головы по сбору недоимок с двукратным указанием чрезвычайно сурового способа наказания недоимщиков — обливания их «на морозе холодной водою» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 133, 140, 151]. Такие радикальные средства взыскания долга «сродни» вымогательству взяток «сеledкой», практикуемому Городничим в «Ревизоре» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 276]. Кроме того, что указанный способ упоминается в комедии Гоголя-отца, Василия Афанасьевича, «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом» («...Де ж би я грошей узяв на подушне? <...> ...Тільки що послідній хліб продати, щоб прокляті сіпаки¹ не обливали на морозі холодною водою» [Гоголь-Яновский: 39]), эти строки подразумевают и многочисленные правительственные указы о «взыскании недоимок»². Среди них особенное внимание привлекает указ Екатерины I 1727 г. «О взыскании доимочных подушных денег...»³, в котором говорится о «великих податях и непрестанных экзекуциях», а также о том, что крестьяне должны платить подати «исправно, не дожидая экзекуции», о необходимости «сбавки с них некоторого числа подушных денег»⁴.

Даже помещиков, отказывавшихся платить недоимки, тогдашними указами предписывалось, невзирая на чины, «держатъ под караулом <...> без выпуска»⁵, а приказчиков, старост и выборных лиц, не

¹ Сіпак, сіпака (укр.) — дотошный, вьедливый, придиричивый начальник, приспешник, клевет. Подразумеваются сельские власти, осуществлявшие экзекуцию, в составе из пяти человек: голова, сотский, десятский, писарь и добросовестный. — Подробнее о «выколачивании подушного», в том числе обливанием холодной водой, см.: [Гиляровский: 403].

² Сводный указатель законов о «недоимках» 1671–1825 и 1826–1874 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 242–250; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. СПб., 1885. Т. 2. С. 728–731.

³ 5071. — 1727. Февраля 24. Именной, объявленный из Верховного Тайного Совета Сенату. — О взыскании доимочных подушных денег... // ПСЗРИ 1. Т. 7: 744–750.

⁴ Там же. С. 744.

⁵ 7494. — 1738. Генваря 24. Именной. — О взыскании с людей всякого звания доимок по таможенному, кабацкому, подушному и другим сборам, с публикации сего указа в месяц; и о наказании за невзнос оных доимок // ПСЗРИ 1. Т. 10: 393.

выполнявших сроки выплат, объявлялось, «учиня жестокое наказание кнутом и вырезывая ноздри, посылать в каторжную работу»¹. Наказываемые столь сурово волостные головы, выборные и старшины, в свою очередь, по Манифесту 1811 г. о мерах взыскания недоимок, имели право «тех крестьян, на коих лежит недоимка, <...> по мирскому приговору употреблять в самом селении в работу, или отсылать в рабочий дом»².

Применительно к словам о взыскании недоимок в «Майской ночи...» примечателен конкретный указ Петра I «О посылке людей, не платящих казенных недоимок, на галеры»³. Тут же, следом, в «Полном собрании законов Российской Империи» находится строжайший указ нововводителя европейских порядков на Руси о недопустимости ношения россиянами кожаной обуви, изготовленной на дегте, а не на сале⁴, — «под страхом конфискации и галер, как обыкновенно конча-

¹ 7732. — 1739. Генваря 15. Именной, данный Сенату. — О взыскании доимок за крестьян помещичьих с самих помещиков, а за Синодальных, Архирейских и Дворцовых вотчин с виновных в допущении доимки; и о наказании прикащиков, старост и выборных за послабление крестьянам в платеже подушных денег и других податей // ПСЗРИ 1. Т. 10: 699.

² 24.633. — 1811. Мая 16. Манифест. — О мерах взыскания недоимок с селений казенных и помещичьих // ПСЗРИ 1. Т. 31: 650. — В завершающий период работы Гоголя над первой книгой «Вечеров...», 1 мая 1831 г., был издан также указ «О немедленном взносе недоимок и податей», в котором от имени Императора сообщалось: «...Мы почитаем излишним предначертать какие-либо особенные побудительные для взыскания недоимок меры, будучи уверены, что все и каждый готовы исполнить в настоящее время свои обязанности по мере сил своих» (4529. — 1831. Мая 1. (Распубликован 2 Марта <Мая>). Именной, данный Сенату. — О немедленном взносе недоимок и податей // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1832. Т. 6. Отделение 1: 1831. С. 334) (далее ссылки на это издание даются в тексте; используется сокращение — ПСЗРИ 2).

³ 3140. — 1717. Генваря 15. Именной, объявленный из Сената. — О посылке преступников мужеска пола на галеры, а женщин — на прядильный двор, для заработка состоящих на них казенных недоимок и частных долгов и взысканий // ПСЗРИ 1. Т. 5: 530.

⁴ 3141. — 1717. Генваря 17. Именной. — О неделании промышленника юфти с дегтем, о приготовлении оной с ворванным салом и о неимении никому с 1719 г. кож и обуви старого дела с дегтем // ПСЗРИ 1. Т. 5: 530–531.

ются хозяйственные указы Петра», по замечанию А. С. Пушкина, непосредственно касающемуся этого постановления [Пушкин 1938: 237]¹. Указ Петра об обуви на сале или дегте в свою очередь подразумевается у Гоголя и в «Вечерах...», и в «Миргороде». В этих циклах четырежды (в «Предисловии» к первой части «Вечеров...», два раза — в «Ночи перед Рождеством» и — последний раз — в Повести о ссоре) обращается внимание на то, чем начищены сапоги героев, салом или дегтем. Вероятно, в этом свете не мог не привлечь внимания Гоголя и указ Петра I о запрещении, тоже под страхом сурового наказания, всем чинам, кроме духовенства и крестьян, ношения русской одежды, с предписанием носить вместо нее саксонское, немецкое или французское платье².

К сожалению, за исключением матери, внимательных читателей «Вечеров...» у Гоголя практически не нашлось. Вероятно, пронизательность матери объяснялась тем, что ей был хорошо известен контекст, из которого вырастали ранние гоголевские повести. Так или иначе, замечание, которое высказал позднее сам Гоголь по поводу своих ранних произведений, весьма примечательно. Сообщая в 1848 г. о работе над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь писал: «Хотелось бы <...> заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочиненьях. Их не всякий заметил...» [Гоголь 2009–2010. 15: 132].

Проблематика гоголевского творчества, включая самое раннее, состоит в художественном анализе противостояния, которое являют те или иные современные «законодательные» «грубые народные нравы» [Гоголь 2009–2010. 8: 111] (определяющее поведение человека в самом быту) христианским заповедям и государственным постановлениям.

¹ Здесь же, в «Истории Петра», Пушкин замечал: «Достоинна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика. NB. (Это внести в *Историю Петра*, обдумав.)» (цит. по: [Пушкин 1962: 323]; ср.: [Пушкин 1938: 256]).

² 1887. — 1701. Именной. — О ношении всякого чина людям Немецкого платья и обуви, и об употреблении в верховой езде Немецких седел // ПСЗРИ 1. Т. 4: 182.

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» этот сквозной для Гоголя мотив представлен как противостояние между христианством и суеверными предрассудками, языческими обычаями — имеющими над человеком не меньшую власть, чем официальные законы. Сюда же относится пристрастие героев-парубков к хмельному и падкость героинь-девушек на украшения и наряды.

В цивилизованном обществе, являющемся предметом сатирического обличения Гоголя в позднейших произведениях, — это власть светских, не менее тиранических обычаев, их вполне законодательное «комильфо» (как надо, как следует; *фр.*), вытесняющее и заповеди Христа, и гражданские обязанности. Именно этим объясняется обилие в гоголевских произведениях реминисценций с государственными указами и постановлениями, с понятиями правовой сферы.

* * *

В «Вечерах...», как и в более поздних произведениях, Гоголь, кроме обличения суеверий и языческих обычаев, кроме отдельной проблемы взыскания недоимок, часто обращает внимание на еще один важный аспект, связанный с законодательством. Он показывает нарушения бесчисленных правительственных указов о винных откупах и корчемстве¹, поднимая проблему народного пьянства. На целый ряд подобных правительственных постановлений указывают реалии, изображенные Гоголем в «Майской ночи...». Там, где небеса открываются во всем их величии, где рождается у человека самая мысль о Боге — о Его ангелах и сходящей с неба «длинной лестнице» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 129], вьется обольстительная вереница русалок — и тут же к празднику Покрова Пресвятой Богородицы «пан хочет строить <...> винницу и прислал нарочно для того сюда винокура» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 131]. В ходе изучения установлено, что в замысле «Майской ночи...» нашла отражение история строительства в родовом имении Гоголей — Васильевке — деревенской церкви. Начальный этап постройки соседи-казаки приняли сначала за строительство винокурни, почему на

¹ См., в частности: 25.635. — 1814. Августа 17. Именной, данный Сенату. — Об отдаче питейных сборов на откуп; о прибавке цены на вино и о предоставлении Сенату делать в условиях для содержания тех сборов, перемены. — С приложением откупных условий // ПСЗРИ 1. Т. 32: 849–871.

первых порах отказывали помещику в помощи. Когда же увидели, что заложена церковь, то стали помогать кто чем мог [Виноградов 2017–2018. 1: 331–333]. Конфликт повести (спасительное влияние Церкви и пагубное — винокурни) не был плодом художественного вымысла Гоголя. Наблюдаемое в самой жизни влияние на человека двух разнонаправленных начал — благотельного и губительного — нашло отражение в целом ряде правительственных указов той поры: прежде всего в указе 1747 г. «О нестроении <...> питейных домов <...> близ церквей...». Текст указа гласил: «...При многих монастырях и святых церквах по близости наставлены <...> кабаки с горячим вином и прочим хмельным питием, на которые приходя народ во всякие часы, особливо же во время отправления в церквах святых Божественных Литургий, пьют вино и прочее и, напився пьянски, чинят различное безобразие, шум, свары и драки и поют скверные песни, что Христианскому благочестию зело противно»¹. Строительство церкви в Васильевке относится к 1821–1824 гг. К этому же времени, к 1820 и 1823 гг., принадлежат аналогичные указы «О времени открытия в воскресные праздничные дни питейных домов...»² и «О воспрещении продажи питей <...> по воскресным и праздничным дням во время Божественной Литургии»³. Эти указы в дальнейшем постоянно подтверждались и дополнялись в 1830⁴,

¹ 9365. — 1747. Генваря 26. Сенатский. — О нестроении лавок, шалашей, питейных домов и подобного строения близ церквей, а особливо на кладбищах // ПСЗРИ 1. Т. 12: 643.

² 28.462. — 1820. Ноября 13. Сенатский. — О времени открытия в воскресные и праздничные дни питейных домов для продажи питий // ПСЗРИ 1. Т. 37: 505.

³ 29.497. — 1823. Июня 5. Сенатский. — О воспрещении продажи питей на торгах из выставок по Воскресным и праздничным дням, во время Божественной Литургии // ПСЗРИ 1. Т. 38: 1026. — Существовал также соответствующий указ 1743 г. «Об остановлении во время литургии и крестных ходов питейной продаже и строгом наблюдении за благочинием» (8759. — 1743. Июля 11. Сенатский. — О запрещении продавать в кабаках вино и питья во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквах и о непозволении кулачных боев // ПСЗРИ 1. Т. 11: 847–847.

⁴ В «Высочайше утвержденном Положении для устройства селений» 1830 г. оговаривалось: «Питейные дома на больших улицах должны быть от церквей не ближе как в 40 сажень» (4037. — 1830. Октября 27. Высочайше утвержденное Положение для устройства селений // ПСЗРИ 2. Т. 5. Отд. 2: 221.

1834, 1842 и 1846 гг.¹ — вплоть до того времени, когда Гоголь в статье «Светлое Воскресенье» писал, как на Пасху «даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня» [Гоголь 2009–2010. 6: 197]. Греховное псевдо-«почитание» воскресных дней Гоголь изобразил также в «Шинели», в образе портного Петровича, который «попивал довольно сильно» по всяким церковным праздникам, «где только стоял в календаре крестик» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 123]; в «Мертвых душах», в упоминании о «гарнизонных солдатах», — нетрезвых по воскресным дням [Гоголь 2009–2010. 5: 23].

Грехопадение главного героя другой повести «Вечеро...» — «Вечера накануне Ивана Купала» — совершается при появлении его в шинке, где он встречается с «дьяволом» Басаврюком. Свое преступление этот герой совершает, во-первых, в пост (именно во время Петровского поста), а во-вторых, в тот день и час, когда, по прямому замечанию рассказчика, всякий «добрый человек» идет в церковь «к заутрене» — а не в кабак [Гоголь 2009–2010. 1/2: 118].

* * *

Такой же сквозной темой, поднимаемой во всех без исключения повестях первого гоголевского цикла, является обличение суеверных обычаев и представлений. Не говоря уже о церковных установлениях, существовало множество полицейских законов о суевериях и суеверных обрядах, об уголовном преследовании волшебников, чернокнижников, кликуш, колдунов и обманщиков-чародеев. Указы о суевериях

¹ В 1834, 1842 и 1846 гг. в «Условиях для содержания питейных сборов...» указывалось: «Для сохранения окрест Храмов Господних должного благочиния, запрещается иметь питейные дома подле самых церквей и монастырей...» (7206. — 1834. Июня 21. Условия для содержания питейных сборов в 28-ми Великорусских Губерниях и Кавказской Области с 1835 по 1839 год // ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1: 469; 15750. — 1842. Июня 16. Условия для содержания питейных сборов в 28 Великороссийских Губерниях и Кавказской Области с 1843 по 1847 год // ПСЗРИ 2. Т. 17. Отд. 1: 454; 19614. — 1846. Января 12. Сенатский. — Об акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 год казенного вина и других питий в Великороссийских губерниях и Кавказской области // ПСЗРИ 2. Т. 21. Отд. 1: 45.

составляли целый отдел гражданского законодательства¹, на них прямо ориентировался Гоголь при создании «Вечеров...». Без преувеличения можно сказать, что под строки статьи № 224 Полицейского устава попадает едва ли не все содержание цикла: колдовство; основанный на суевериях обман; «пугание чудовищем»; «искание клада»; нашептывание на траву или на питье и др.²

К примеру, суеверие Черевика в «Сорочинской ярмарке» Гоголь подчеркивает упоминанием героя о том, как он выехал на ярмарку в понедельник: «...Вспомнил я теперь, <...> в понедельник мы выехали. Ну, вот и зло все!» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 106]. Здесь же, в «Сорочинской ярмарке», автор вполне определенно дает понять, что внешняя сторона участия в жизни ярмарки нечистой силы — распускаемые здесь слухи о нечистом, само явление его «в костюме ужасной свиньи» [Гоголь 1937–1952. 1: 334] — лишь проделки веселящихся парубков и пройдохи-цыгана, ловко пользующегося народными суевериями для осуществления своих сделок. (Судя по «великим достоинствам» цыгана — которым, согласно замечанию рассказчика, «одна только награда есть на земле — виселица» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 97], некоторые из его проделок, вероятно, далеко не так безобидны, как только «заинтересованное» участие в сватовстве Грицька. Напомним рассказ Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала» о том, «как проходившие мимо цыгане украли Ивася» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 122]).

В повести «Страшная месть» весьма правдоподобно объяснение казаком Данилой соответствующих уловок «старого колдуна». По словам героя, встающие из могил мертвецы на кладбище у замка, где тот обитает, — лишь пугало, которым стремится оградить предатель свой тайный притон: «Это колдун хочет утратить людей, чтобы никто не добрался до нечистого гнезда его» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 213]. Точно так же утрашают своими «размалеванными» масками суеверных десятских «бесящиеся» парубки в «Майской ночи» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 142].

¹ См. сводный указатель законов о «суеверии и суеверных обрядах» 1689–1782 и 1837–1841 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 1040–1041; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 640.

² 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ 1. Т. 21: 480.

Такой взгляд Гоголя на мнимую значимость всевозможных «волшебств» точно соответствует прописанным в законе обязанностям сотских и десятских наблюдать, «чтобы не были терпимы в селениях волшебники, кликуши и другие сего рода обманщики» (ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 1041).

Сам христианский брак юных героев «Сорочинской ярмарки», по поводу которого автор испытывает противоречивые, грустные чувства, строится на обмане. Чтобы получить согласие отца невесты, Грицько прибегает к помощи «колдуна» цыгана. Подобным образом, чтобы получить согласие невесты, Вакула в «Ночи перед Рождеством» обращается за помощью к «знахарю» Пацюку.

По замыслу Гоголя, изрядным суевером является рассказчик «Вечеров...», дьяк Фома Григорьевич. Ему принадлежат реплики, совершенно несовместимые с его духовным званием, но вполне объяснимые в нем как ревностном исполнителе мирских «законов», заключающих в себе, помимо «законов света», такую же «законодательную» власть суеверных преданий. Суеверные реплики дьяка Фомы Григорьевича призваны, по замыслу Гоголя, явить читателю истинную цену светских «достоинств» героя. Эту черту сельского дьячка Гоголь подчеркивает в «Вечере накануне Ивана Купала», рассказывая о суеверии жены Петруся Пидорки, над которой, как «простоудушно» замечает тут Фома Григорьевич, «раз кто-то уже сжалился» и для исцеления мужа — «посоветовал идти к колдунье» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 124]. По церковным правилам, обращающиеся к колдунам лишаются, по степени вины, участия в таинствах на несколько лет и отлучаются от Церкви¹. Подобно колдуну Пацюку в «Ночи перед Рождеством», мнимые целители получали за свое ремесло «немалые прибитки»². Согласно гражданскому указу 1774 г., сотским и десятским прямо предписывалось наблюдать,

¹ См.: Правила Святых Вселенских Соборов толкованиями. М.: Издание Общества любителей духовного просвещения, 1877. С. 475–481; Каноны, или Книга правил Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. С алфавитным указателем для облегчения нахождения нужного правила. 2-е изд., полное. Издание Братства преп. Иова Почаевского в Монреале, Канада, Русской Православной Зарубежной Церкви, 1974. С. 85.

² 5761. — 1731. Маия 25. Именной, объявленный из Сената. — О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков // ПСЗРИ 1. Т. 8: 465–466.

дабы «никто из <...> жителей никаких мнимых волшебников в дома свои <...> не приводили, <...> да и к ним, волшебникам, не ходили»¹. Существовал также более ранний указ 1731 г. «О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков»². Обращения Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала» к знахарям и колдунье подчеркнута противопоставлено автором упоминание в начале повести о бывшей в селе церкви Святого Великомученика и целителя Пантелеимона, к которому, очевидно, и следовало прибегнуть за настоящей помощью.

Такое же «привычное», по обыкновению, место — место веры и даже простого здравого смысла — занимает суеверие в душах двух главных героев повести «Иван Федорович Шпонька...» (одна из примет этого — читанная-перечитанная Шпонькой гадательная книга, с «сокращенным снотолкователем»; других книг герой не читал, так что даже об Иерусалиме «наслышался <...> от своего денщика» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 263, 270]). Встреченный в дороге сосед Шпоньки рассказывает ему об исцелении от внезапной «болезни»: «Мне помогла уже в наших местах простая старуха. И чем бы вы думали? просто зашептыванием. Что вы скажете, милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас. Иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 254]. На это Иван Федорович согласно отвечает: «...Извольте говорить совершеннейшую-с правду. Иная точно бывает...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 255].

Размышления о подменяющих веру суеверных «законах» позднее получили отражение в десятой главе первого тома «Мертвых душ»: «Поди ты сладь с человеком! не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет... <...> Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками...» [Гоголь 2009–2010. 5: 200].

Гоголь объяснял суеверие человека его духовной неразвитостью, неподготовленностью к искушению, заставляющей попавшего в критическую ситуацию обращаться к случайному средству: «Утопающий,

¹ 14.231. — 1774. Декабря 19. Инструкция сотскому с товарищи // ПСЗРИ 1. Т. 19: 1068.

² 5761. — 1731. Мая 25. Именной, объявленный из Сената. — О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков // ПСЗРИ 1. Т. 8: 465–466.

говорят, хватается и за маленькую щепку...» [Гоголь 2009–2010. 5: 200]. Изображая рассказчика Фому Григорьевича и суеверного героя «Вечеров...» Ивана Федоровича Шпоньку, Гоголь также указывал, что происхождение суеверий чаще всего связано с поверхностным светским воспитанием, ориентированным лишь на внешнее «благонаравие» и оставляющим человека непросвещенным и неразвитым — таким же, каким оставляли его в прежние времена «детские предрассудки» и суеверия. (Зависимость Шпоньки от новейших — не менее пустых и бесплодных, чем древние суеверия, — «тонких обычаев света» рассказчик подчеркивает в повести неоднократно).

Поэтому уже в «Вечерах...», в повести «Иван Федорович Шпонька...» Гоголь отмечает пустоту светского воспитания — смеси из тирании суеверий, предрассудков, религиозного индифферентизма и «законов» комильфо [Виноградов 2009: 531–537]. Обращаясь к проблемам педагогики, Гоголь, по-видимому, исходит из того, что педагог в своей практике тоже «пишет законы» — только не на бумаге, «не на скрижалях каменных», но, по выражению Апостола, «на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3, 3).

Воплощенный в «Иване Федоровиче Шпоньке» образ «страшного учителя, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 249], появляется потом в заключительной главе «Мертвых душ», посвященной биографии мошенника Чичикова; суровое воспитание явно не пошло на пользу этому герою. Показывая в «Иване Федоровиче Шпоньке...» совершенно бесправное¹ положение учеников перед «страшным учи-

¹ В принятом в 1828 г. Уставе учебных заведений предписывалось: «Надежнейшее средство успеха есть привязанность учащихся к наставнику; он легко может приобрести ее, действуя на них не одними угрозами и страхом, а более кротким, ласковым убеждением и поучительным примером... <...> Как, несмотря на все старания, иногда нельзя обходиться без строгих и даже телесных наказаний, то учитель может, в случае нужды, употреблять и сии меры исправления, но не иначе, как истощив уже все другие: увещания, выговоры, запрещение участвовать в играх, оставление ученика на несколько часов в запертом классе, и так далее. Выговор не должен заключать в себе никаких бранных выражений...» (2502. — 1828. Декабря 8. Устав Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗРИ 2. Т. 3: 1102).

телем», Гоголь изображает такой же «абсолютный феодализм» в управлении имением помещицы, тетушки Василисы Кашпоровны, которая «была ленивых вассалов своею страшною рукою» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 257] («Мужика не бей», — предупреждал позднее Гоголь в статье «Русский помещик» [Гоголь 2009–2010. 6: 112]).

Педагогические проблемы Гоголь ставит в героях «пошлых» и ничтожных, однако от этого размах гоголевской мысли не умалается. Представление о педагоге как «законодателе» для ученика он распространяет на всю сферу управления. Согласно воззрениям писателя, сам монарх должен быть опытным педагогом в отношении к своим подданным — и успех государственного строительства во многом зависит от того, насколько основательно разбирается властитель в целях и способах воспитания¹.

Из позднейших героев Гоголя суеверами в его произведениях являются бурсак Хома Брут в «Вии» (тщетно ограждающий себя от нечистой силы очерчиванием круга), уездный Городничий в «Ревизоре», для которого даже виденные во сне крысы («грезилась страшная чепуха», — поясняет Гоголь в черновой редакции [Гоголь 1937–1952. 4: 142]) служат знаменем ревизии. Подчеркивая противостояние между двумя законодательными «институциями» в жизни героев — между верой и суеверием, Гоголь в период создания «Ревизора» писал матери: «Истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен и не верит пустякам» [Гоголь 2009–2010. 11: 34].

* * *

Изображая лукавое использование суеверий для обмана в «Сорочинской ярмарке», «Майской ночи...», «Страшной мести» — разоблачая «земное» происхождение народных легенд и преданий, — Гоголь не забывал, что видимая, внешняя брань нечистой силы с людьми прикрывает порой и вполне реальные — уже не «сказочные» и не фантастические — искушения лукавого. Подверженность героев этим искушениям гоголевские рассказчики в «простоте» своей считают подчас делом «обыкновенным» и даже безгрешным. Воздействия темных сил представляют собой, по Гоголю, действительную брань добра и зла за души людей — сражение куда более серьезное и опасное, чем благополучные путешествия в «пекло» и обратно героев народных легенд и анекдотов.

¹ См. об этом подробнее: [Виноградов 2019b].

Эту брань в самых «сказочных» своих повестях Гоголь изображает уже вполне реалистически; легенды и вымыслы лишь оттеняют беспечность героев. От фантастических, сказочных сюжетов Гоголь внезапно переходит к изображению самого прозаического, обыденного, например, к лишенному всякой фантастики «Ивану Федоровичу Шпоньке...» (герои которого, как указывалось, исполнены суеверий и предрассудков едва ли не больше других), а затем опять возвращается к «сказке».

«Трезвитесь, бодрствуйте, — говорит св. апостол Петр, — потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить...» (1 Петр. 5, 8). Герои Гоголя, постоянно толкующие о кознях лукавого, рассказывающие друг другу истории о его проделках (в которых бес предстает чаще всего существом весьма недалеким и ограниченным), подменяют это заповеданное Апостолом трезвение мечтательными баснями и сказками — и преданные своим придуманным «законам», почти всегда недооценивают своего противника, ожидая встретить его совсем не там, где он им реально угрожает. Эту мысль о неподготовленности человека к духовной брани — и самое развитие ее на ином, скрытом от поверхностного наблюдения уровне — Гоголь и воплощает в своих ранних повестях.

Позднее, как бы подытоживая замысел «Вечеров...» с их «детскими» суевериями и идущей им на смену недетской гордостью «законов» «большого света», подменяющих собой христианские заповеди, «законы Христа» (ибо «непокорность, — по словам Писания, — есть такой же грех, что волшебство, и противление то же, что идолопоклонство...»; 1 Цар. 15, 23), Гоголь в заключительной статье «Светлое Воскресенье» «Выбранных мест из переписки с друзьями» писал, что современная духовная брань совершается часто именно в правовой сфере, на уровне «законодательном»: «Дьявол <...> перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми <...>; глупейшие законы дает миру <...> — и мир <...> не смеет послушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек как мелочь, <...> и которая теперь <...> стала распоряжаться в домах наших... <...> Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и между тем боится не исполнить ее малейшего приказанья... <...> Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит

исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться?» [Гоголь 2009–2010. 6: 201–202].

В этом движении от обличения старинных суеверных преданий и предрассудков к изображению современной губительной «обрядливости» «законов света» («обрядливый, церемонный» — отметил Гоголь в своем «объяснительном словаре» русского языка [Гоголь 2009–2010. 9: 468]) и заключается смысл последующей эволюции Гоголя — от «Вечеров...» к «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Ревизору» и «Мертвым душам».

* * *

Как показывает Гоголь, постоянная борьба между правыми и лукавыми «законами» происходит в душе человека. Так, церковные и гражданские установления против пьянства герои «Майской ночи...», сельский голова и винокур, заинтересованный спойть «побольше <...> народу» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 140], не только игнорируют и попирают, но и лукаво «поправляют», — в попытке обратить их в свою пользу, прибегая к лицемерному «благочестию». На вопрос головы, к какому сроку винокур думает поставить свою винокурню, тот отвечает: «Когда *Бог поможет*, то сею осенью... <...> На Покров <Пресвятой Богородицы> <...> пан голова будет писать ногами немецкие крендели по дороге» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 138]. На это следует одобрительная реплика головы: «*Дай Бог...*» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 139]. (В повести неоднократно подчеркивается, что винокур, как и другие лицемерно-«набожные» герои «Вечеров...», является сугубым суевером — а отнюдь не верующим человеком, избегающим помянуть имя Божие всуе).

Сходным образом перетолковывает в свою пользу самый смысл и характер нравственных правил герои «Ночи перед Рождеством». Так, один из них сетует на «развращение нравов» и на «деревянное сердце» шинкарки, когда та отказала ему дать вина в долг, а «набожные дворяне», которые могли бы угостить пьяницу, «как нарочно, все <...> оставались дома и, как честные христиане, ели кутью посреди своих домашних» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 192]. Раздраженный герой называет здесь «развращением нравов» благочестивый обычай своих односельчан проводить строгий рождественский сочельник дома.

Аналогичное извращение нормы, новые «законы» в свою пользу диктует и «проповедует» Городничий в «Ревизоре», когда заявляет об

установленных «Самим Богом» взяток, против которых «волтерианцы напрасно <...> говорят» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 223].

Такое же превратное, извращенное представление о нравственности демонстрирует Хлестаков, когда, мечтая о беспечном житье, рассуждает о том, что в Петербурге денежные отношения стали чрезмерно определять отношения между людьми: «...Попробуй пойти к какому-нибудь даже последнему портнишке, чтобы сшил тебе в долг фрак: ни за что не сошьет. <...> ...Такое развращение нравов может быть только в столице» [Гоголь 2009–2010. 7: 429]. Стремящийся жить на дармовщину Хлестаков, хотя и «по праву» обличает петербургский меркантилизм, однако делает он это отнюдь не ради оздоровления «нравов».

Декларируя свою мнимую «правду», гоголевские герои, как это бывает в самой жизни, чтобы сделать ее убедительней, прикрывают ложь видимостью настоящего «закона». Подобно Хлестакову рассуждает сельский голова в «Майской ночи...», когда под «благочестивым» предложением — заботой о важном госте — стремится возобновить свое незаконное взяточничество: «Как думаешь, пан писарь, нужно бы для именитого гостя дать приказ, чтобы с каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще кое-чего...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 153]. Столь же «основательно» негодует по поводу мошенничества обираемых им купцов Городничий: «...У!.. обманываете народ... <...> кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост... <...> Я...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 289]. Соответствующую «добродетель», возмущающуюся беззаконием, демонстрирует в финале «Игроков» обманутый мошенниками искусный шулер Ихарев: «Ведь существуют же к стыду и поношенью человека эдакие мошенники!» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 403].

* * *

В обличении суеверных и светских «законов», противостоящих церковным и гражданским установлениям, важнейшее место занимает у Гоголя изображаемое им почти во всех ранних повестях несоблюдение героями церковных постов. На эту черту героев Гоголь, в свою очередь, указывает в большинстве (в семи из восьми) повестей «Вечеров...»: в «Сорочинской ярмарке», в «Вечере накануне Ивана Купала», «Пропавшей грамоте», «Ночи перед Рождеством», «Иване Федоровиче Шпильке...»; особым образом этот мотив преломляется в «Майской ночи» и в «Страшной мести».

Как уже отмечалось, в один из самых строгих постных дней года, в Рождественский сочельник, совершаются любовные похождения и попойки героев «Ночи перед Рождеством». Но кроме этого проливающего свет на все события повести церковного ограничения, одним из главных сюжетобразующих мотивов в «Ночи перед Рождеством» является давний церковный запрет женщинам становиться в храме впереди мужчин — обычай, коренящийся в монастырском уставе. Сам Гоголь говорил: «Женщинам запрещено становиться впереди, и дело; поневоле развлечешься» [Виноградов 2017–2018. 7: 48]¹. Действительно, в традиционном украинском деревянном трехчастном храме, который изображается в повести, женщины становились в дальней от алтаря части, которая называлась поэтому «бабинец». Вот как показывает Гоголь в «Ночи перед Рождеством» расположение поселян в церкви: «впереди всех стояли дворяне и простые мужики», за ними «дворянки», а «пожилые женщины <...> крестились у самого входа» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 205]. Девчата же — «у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов», — старались, как подчеркивает Гоголь, вопреки этому порядку, «пробраться <...> ближе к иконостасу» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 205]. Очевидно, что это стремление наряженных девчат объясняется их желанием покрасоваться перед парубками, и тут — «поневоле развлечешься». То, что в «Ночи перед Рождеством» происходит в храме между молодежью, Гоголь показывает и среди взрослых. Пожилая Солоха, которой следовало бы, исходя из сказанного, стоять в храме «у самого входа», «надевши яркую плахту» и «синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы», становится впереди всех — «прямо близ правого крылоса», так что дьяк «закашливался и прищуривал неволью в ту сторону глаза» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 176] («из читаемой им книги», — добавлял Гоголь в черновой редакции [Гоголь 1937–1952. 1: 423]). В самый раз прельщенному дьяку было бы про-

¹ О важности подобных установлений в Церкви см. также: [Варнава (Беляев): 183–184]. С этим же мотивом связан использованный Гоголем в «Ночи перед Рождеством» случай из жития св. Василия Великого, в котором объясняется, «почему запретили вход в алтарь женщинам» (см.: Месяца Ианнуария в 1 день. Житие иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския // Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Ианнуарий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 119).

честь в это время в богослужбной книге такие строки: «Рассеянный мой ум собери, Господи...»¹.

Тут же Гоголь изображает и пагубность легкомысленного нарушения благочестивых обычаев и законов. Подобно тому, как красавица Оксана в строгий Рождественский сочельник вытесняет из сознания набожного кузнеца и художника Вакулы самый «иконостас», его веру, и доводит до мысли о самоубийстве, так же позднее покончит с собой у Гоголя прельщенный женской красотой художник Пискарев в «Невском проспекте». Именно образ красавицы, «потопивший» и вытеснивший все другое, толкнет на путь предательства и отречения от веры Андрия Бульбу. В повести «Вий», где прекрасная мертвая ведьма-панночка владевает в заброшенном, оставленном без служения храме, тоже угадывается этот мотив «Ночи перед Рождеством».

* * *

К столь же губительным последствиям приводит героев Гоголя умеренное бражничество. Тему «кабака» и пьянства как явлений, противостоящих духовному возрастанию, поднятую в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Гоголь продолжил в «Миргороде», в «Тарасе Бульбе», где бражничество запорожцев представил как одну из причин гибели беспечных воинов. Продолжена была в «Тарасе Бульбе» и начатая в «Вечерах...» тема должного соблюдения поста — необходимого не только для героев мирной жизни (исполненной скрытой духовной брани), но и для отважных, бранных запорожцев. Изображая гибель казаков от несоблюдения поста, Гоголь едва ли не оспаривал при этом положение одного из указов Святейшего Синода 1751 г. «О разрешении постов находящемуся за границую войску»², который восходит к трем аналогичным указам петровского времени и соответствующей грамоте Константинопольского патриарха Иеремии петровского времени (1718 г.³), а также к грамоте того же патриарха о разрешении

¹ Триодь Цветная. Киев: Киево-Печерская Лавра, 1724. 507 л. Л. 278 об. (вторник четвертой седмицы по Пасхе, стихира на хвалитех); см. также: Триодь Цветная. М.: Издание Московской Патриархии, 1992. 335 л. Л. 108.

² 10.741. — 1757. Июня 16. Синодский. — О разрешении постов находящемуся за границую войску // ПСЗРИ 1. Т. 34: 777–778.

³ 3178. — 1718. Марта 7. Именный, с приложением грамоты Константинопольского Архиепископа и Вселенского Патриарха. —

«Государю Петру I на мясоястие во все посты»¹. Оспаривая эти постановления, Гоголь при изображении гибельного пьянства запорожцев, напротив, подразумевал, по-видимому, библейскую заповедь: «Когда пойдешь в поход против врагов твоих, берегись всего худого» (Втор. 23, 9). Именно эту заповедь напоминал в 1829 г. воинам святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский в составленном им катехизисе².

Позднее на свойственную практически всем без исключения европейским правительствам непоследовательность в вопросе торговли горячительными напитками (при постоянной борьбе с пьянством³) указывал Гоголь в «Мертвых душах», упоминая в первой главе поэмы о том, что в губернском городе «чаще всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: питейный дом» [Гоголь 2009–2010. 5: 13], а также замечая о «царевом кабаке» в десятой главе [Гоголь 2009–2010. 5: 208].

* * *

Примеры, свидетельствующие о постоянной ориентации Гоголя на законы правительства и церковные установления, можно умножать и умножать. В «Вечерах...», кроме общих для всех повестей мотивов об-

О разрешении православному постов воинству во время походов за границу. (Таковые же грамоты даны в 1716 в Апреле месяце и в 1717 году Апреля 9 дня.) // ПСЗРИ 1. Т. 5: 550–552.

¹ 3020. — 1716. Апреля. Грамота Константинопольского Патриарха Иеремии, разрешительная Государю Петру I на мясоястие во все посты, исключая недели пред причастием // ПСЗРИ 1. Т. 5: 466–468. — Разрешение было дано в связи «зельным и неудобоисцельным» недугом, «который скорбутом <цингой> <...> именуют». (У Петра, вероятно, был хронический гепатит).

² См.: <Филарет (Дроздов), святитель>. Пространный христианский катихизис Православныя Кафолическия Восточныя Греко-Российския Церкви, рассматриваемый и одобренный Святейшим Правительствующим Синодом и изданный для преподавания в училищах по Высочайшему Его Императорского Величества Повелению. М.: Синодальная Типография, 1829. С. 132.

³ Сводный указатель законов о «пьянстве» см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 735; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 378.

личения суеверий и заботы о соблюдении постов, есть еще целый ряд частных реминисценций с гражданскими и церковными законами.

Так, многочисленные упоминания о «перекупках» в «Сорочинской ярмарке» и «Пропавшей грамоте» подразумевают более чем полтора десятка правительственных указов против перекúпа и перекúпщиков (т. е. против спекуляции и спекулянтов) за почти полуторавековой период борьбы правительства с этим явлением, с 1681 по 1827 г.¹

К числу «сатирических», обличаемых Гоголем черт тетушки Василисы Кашпоровны в «Иване Федоровиче Шпоньке...» относится, помимо прочего², то, что она вполне по-феодалному «брала пошлину по пяти копеек с воза, проезжавшего через ее греблю» (через плотину) [Гоголь 2009–2010. 1/2: 257]. В последнем случае помещица является нарушительницей сразу трех указов правительства об уничтожении в России сборов за проезд по мостам и перевозам: 1753³, 1754⁴ и 1755⁵ гг. Согласно указу 1754 г., поддержание мостов в исправном состоянии было отдано частным лицам — помещикам и «прочим управителям», с условием, оговариваемым «тягчайшим штрафом», что денег с проезжающих они брать не будут, так как за содержание мостов станут получать «оклады из казны»⁶.

¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 374–375; Общий алфавитный указатель ко второму Полному собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 77.

² Помещица собственноручно бьет своих «ленивых вассалов»; занимается противозаконным сокрытием числа душ в имении (см. ниже). Она же готова развязать сомнительную судебную тяжбу с соседом.

³ 10.164. — 1753. Декабря 20. Именной. — Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов // ПСЗРИ 1. Т. 13: 947–955. — См. также свод правительственных указов и правил о сборе «денег с проезжающих, за перевозки и мосты на больших и малых реках», о «мостах, гатях и перевозах» 1649–1825 и 1826–1879 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 205–208; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 2. С. 637–638.

⁴ 10.170. — 1754. Генваря 5. Сенатский. — Об уничтожении сборов с мостов, перевозов, прорубей и ледоколов; об отдаче оных в вольное содержание и о наблюдении Губернским Канцеляриям из исправности дорог // ПСЗРИ 1. Т. 14: 2–4.

⁵ 10.486. — 1755. Декабря 1. Таможенный Устав // ПСЗРИ 1. Т. 14: 463.

⁶ 10.170. — 1754. Генваря 5. Сенатский. — Об уничтожении сборов с мостов, перевозов, прорубей и ледоколов; об отдаче оных в вольное содержание и о наблюдении Губернским Канцеляриям из исправности дорог // ПСЗРИ 1. Т. 14: 2–3. Позднее был выпущен указ «О содержании по всем

На эту «дорожную» сторону гражданского быта Гоголь, много путешествовавший, обращал внимание даже за границей. Когда в 1842 г. вместе с больным поэтом Н. М. Языковым он ехал в Рим, то по пути отметил неисправность дорог и мостов в папских владениях. Об этом Языков 1 декабря (н. ст.) 1842 г. сообщал сестре Е. М. Хомяковой: «В Церковном <...> государстве пути сообщения в таком небрежении, что дороги вообще не поправляются, и через реку, которая разграничивает Папу от Тосканского Герц<ога> (имеются в виду великий герцог Тосканский Леопольд II (1797–1869) и река Пэглия (Paglia), приток Тибра. — И. В.), нет и моста, а ездят просто руслом реки по валунам и бульжнику — и во время дождей пережидают, пока воды обмелеют! Святой Отец не соглашается дать Тосканскому половину денег, потребных на постройку моста!» [Виноградов 2017–2018. 4: 196]. Примечательны в этом свете в числе похвал Гоголя «занимающему важное место» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» слова об «умном» устройстве «дорог, мостов и всяких сообщений» [Гоголь 2009–2010. 6: 139].

К проблематике «законодательного» рода можно отнести в «Вечерах...» и «домостроевский» спор героев в предисловии ко второй части по поводу рецепта, как солить яблоки. Как следует из рассказа, этот хозяйственный рецепт на самом деле имеет для героев силу действительного «закона» (как такие же многочисленные домостроевские «секреты насчет делания пастилы и сушения груш», с медицинскими рекомендациями, героинь-хозяек «Ивана Федоровича Шпоньки...» и «Старосветских помещиков» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 264, 292–293]). Спор о рецепте приводит героев хоть к мелочной, но непримиримой ссоре, затрагивая самый социальный «статус» рассказчиков: «Ты человек немаловажный: сам, как говоришь, обедал раз с губернатором за одним столом. Ну, скажешь что-нибудь подобное там, ведь тебя же осмеют все!» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 165].

В повести «Вий» Гоголь не без иронии и «сатиры» изобразил кулачные «битвы» бурсаков в классе перед приходом учителя и воспользовался в этом статьей своего школьного приятеля П. А. Лукашевича «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник

большим дорогам в селах и слободах мостов в исправности за счет обывателей) (11.161. — 1760. Декабря 7. Сенатский. — О содержании по всем большим дорогам в селах и слободах мостов в исправности за счет обывателей // ПСЗРИ 1. Т. 15: 577–578).

Рождества Христова и в Новый год», которая была опубликована в 1826 г., в разделе «Современные нравы» журнала «Северный Архив». Между тем существовал прямой указ правительства «О непозволении кулачных боев», относящийся еще к середине XVIII в.¹

* * *

Что касается двух главных сатирических произведений Гоголя — «Ревизора» и «Мертвых душ», то и без особого исследования ясно, что основой для них явилось великое множество правительственных указов и законов. Само по себе слово «ревизия» — «ревизия душ», «ревизия дел» — было довольно употребительным для правительственных постановлений той поры.

Для комедии «Ревизор» значимы прежде всего многочисленные указы о «ревизии дел» (с XVIII в. до 1836 г. их было издано более двухсот²) и столь же многочисленные указы об «апелляции» — так называемой «ревизии гражданских дел»³. Надо сказать, что даже сохранившееся выпускное сочинение Гоголя по предмету русского права было посвящено именно «ревизии»-«апелляции»; оно носит название «Изложить законные обряды апелляции, как из низших инстанций в высшую и в Департ<амент> Сената» [Гоголь 2009–2010. 8: 7] (т. е. согласно тогдашней терминологии, в школьном сочинении Гоголя тоже речь шла о ревизии).

На создание «Ревизора» несомненное влияние оказали также несколько важных указов правительства об искоренении взяток (это указы 1801, 1812, 1821, 1826 и 1832 гг.). Так, в 1832 г. по Высочайшему повелению в России был издан сенатский указ о «воспрещении приношений от обществ лицам Начальствующим»⁴. Этот указ был отнюдь

¹ 8759. — 1743. Июля 11. Сенатский. — О запрещении продавать в кабаках вино и питья во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквях и о непозволении кулачных боев // ПСЗРИ 1. Т. 11: 847–848.

² Сводный указатель законов о «ревизии дел» 1720–1823 и 1825–1878 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 754–755; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386, 389–402.

³ Сводный указатель законов об «апелляции» 1649–1825 и 1825–1872 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1: 31–40; Ч. 2: 754; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 1. С. 25–29.

⁴ 5223. — 1832. Марта 9. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспрещении Начальствующим лицам принимать приношения от об-

не единственным: он вышел в подтверждение целых трех предшествующих указов о лихоимстве: «О запрещении Начальникам Губерний принимать от градских людей подарки» 1801 г.¹; «О воспрещении приносить подарки Начальникам Губерний и другим чиновникам» 1812 г.²; «О воспрещении делать приношения Начальникам Губерний и другим лицам» 1821 г.³ Той же цели служил указ 1826 г. «О составлении, при Общем Собрании С. Петербургских Департаментов Сената, Комитета <...> для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лихоимательства»⁴. Особой строгостью отличался принятый в 1832 г. «Устав о карантинах»⁵. Наказание за взяточничество карантинных чиновников было чрезвычайно суровым: оно относилось к преступлениям первого разряда, так что уличенные в них судились военным судом и наказывались смертью (ПСЗРИ 2. Т. 7: 773–774). В 1837 г. вышел «Высочайше утвержденный общий наказ Гражданским Губернаторам», где также особо подчеркивалась ответственность губернаторов за взяточничество подведомственных чиновников⁶.

Не все правительственные указы Гоголь безусловно одобряет, по поводу некоторых даже возражает, но делает это с позиции писателя-го-

ществ // ПСЗРИ 2. Т. 7: 135–136.

¹ 20.030. — 1801. Октября 11. Именной, данный Сенату. — О запрещении Начальникам Губерний принимать от градских людей подарки // ПСЗРИ 1. Т. 26: 800–801.

² 25.028. — 1812. Октября 11. Сенатский, в следствие Именного. — О воспрещении приносить подарки Начальникам Губерний и другим чиновникам // ПСЗРИ 1. Т. 32: 217.

³ 28.715. — 1821. Августа 2. (Распубликовано Сенатом Октября 11). Высочайшее повеление, объявленное Комитету Министров. — О воспрещении делать приношения Начальникам Губерний и другим лицам // ПСЗРИ 1. Т. 37: 796.

⁴ 328. — 1826. Мая 11. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Министром Юстиции. — О составлении, при Общем Собрании С. Петербургских Департаментов Сената, Комитета из трех Сенаторов и одного Обер-Прокурора, для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лихоимательства // ПСЗРИ 2. Т. 7: 435.

⁵ 5690. — 1832. Октября 20. Высочайше утвержденный Устав о Карантинах // ПСЗРИ 2. Т. 7: 723.

⁶ 10303. — 1837. Июня 3. Высочайше утвержденный общий наказ Гражданским Губернаторам // ПСЗРИ 2. Т. 12: 433.

сударственника. В частности, это относится к указу о взятках 1832 г., который нашел непосредственное отражение в «Ревизоре». Из осторожности судья Ляпкин-Тяпкин предлагает дать взятку Хлестакову «в виде какого-нибудь приношения или пожертвования на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя» [Гоголь 1937–1952. 4: 461] — «в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник» [Гоголь 1937–1952. 4: 57]. В этом судебский чиновник обнаруживает явное знакомство с упомянутым указом, где в качестве исключения московскому городскому голове И. М. Ярцову разрешалось принять добровольное пожертвование от купечества на сооружение памятника действующему военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну (1771–1844)¹. Авторский комментарий к подобного рода «пожертвованиям» можно найти в «Игроках», в реплике шулера Замухрышкина, мнимого чиновника: «...Вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или так. <...> А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 397].

Реплика Земляники о том, что судья «больше десяти лет как не поведывался» [Гоголь 1937–1952. 4: 310] подразумевает закон «О наложении публичной церковной эпитимии за уклонение от исповеди и Св. причастия» 1801 г.², а также синодальный указ 1833 г. «О подтверждении Епархиальным Начальствам, употреблять неослабное попечение, дабы никто из Христиан не уклонялся от исповеди и Св. Причастия»³. Первый из законов, несомненно, имеется в виду в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где в «Вечере накануне Ивана Купала» рассказчик сообщает о том, как отец Афанасий, «заметив, что

¹ 5223. — 1832. Марта 9. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспреещении Начальствующим лицам принимать приношения от обществ // ПСЗРИ 2. Т. 7: 135.

² 19.743. — 1801. Генваря. (Указ Сената напечатан по всенародное известие Февраля 28.) Синодский по Высочайше утвержденному докладу. — О наказывании людей Грекороссийского исповедания за уклонение от исповеди и Святого причастия, вместо денежного штрафа, церковным покаянием // ПСЗРИ 1. Т. 26: 521–523.

³ 5971. — 1833. Февраля 10. Синодский. — О подтверждении Епархиальным Начальствам, употреблять неослабное попечение, дабы никто из Христиан не уклонялся от исповеди и Св. Причастия // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 1: 90–91.

Басаврюк и на Светлое Воскресение не бывал в церкви, задумал было пожурить его — наложить церковное покаяние» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 116]. В «Страшной мести» пан Данила говорит о тех, что «таскаются Бог знает где, когда православные бьются насмерть»: «На униатов даже не похожи: не заглянут в Божию церковь» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 215].

Просьба Добчинского об узаконении добрачного ребенка подразумевает указ 1829 г. «Об оставлении без уважения прошений, относительно усыновления воспитанников и сопричтения к законным детям, рожденных до брака»¹. Еще более современный созданию «Ревизора» указ подразумевается в комедии в требовании по ошибке высеченной унтер-офицерши заплатить ей за это «штрафт» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 278]. Императорский указ от 21 января 1835 г. предписывал «взыскивать впредь по двести рублей за каждый удар, невинно данный»².

* * *

Сквозной для гоголевских произведений является тема роскоши. В частности, стремление к пагубной роскоши Гоголь подчеркивает, отмечая страсть героини «Ревизора», жены взяточника Городничего Анны Андреевны, к нарядам. На это же пристрастие указывает роскошная мебель красного дерева в ее доме. Согласно Гоголю, многие из «просвещенных потребностей» героини удовлетворяются прямо за счет взяток ее мужа. Позднее, размышляя над этим в «Переписке с друзьями» в масштабах целой России, Гоголь писал: «...Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть» [Гоголь 2009–2010. 6: 98]. «...Большая часть взяток, несправедливостей по службе <...> наших чиновников <...> произошла <...> от расточительности их жен...» [Гоголь 2009–2010. 6: 14]. В составленном в 1834 г. конспекте из книги английского историка Г. Галлама «Европа в Средние века» Гоголь записал: «...Ныне роскошь заменила воздержание, для платья ищут что

¹ 3027. — 1829. Июля 23. Сенатский, с приложением объявления от Комиссии Прошений. — Об оставлении без уважения прошений, относительно усыновления воспитанников и сопричтения к законным детей, рожденных до брака // ПСЗРИ 2. Т. 4: 528.

² 7783. — 1835. Января 21. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О взыскании по двести рублей за каждый удар, невинно данный, по неправильному судебному приговору // ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 1: 63.

есть драгоценное, золото, серебро, перлы, шелковые материи и богатые меха. Видны иностранные вина и деликатные блюда. Оттуда злоупотребления, воровство, обман» [Гоголь 2009–2010. 8: 311].

Это направление гоголевских обличений также тесно связано с целым рядом правительственных постановлений — а именно указов о роскоши¹. Кроме прямых указов на этот счет, в утвержденном Николаем I в 1833 г. таможенном тарифе все предметы роскоши, в любой форме, гастрономические, галантерейные, интерьера и пр., к ввозу в Россию были запрещены². (К ввозу, в частности, запрещались: «аплике, или накладное серебро»³, «бронзовые и другой композиции золоченые и незолоченые статуи, бюсты, барельефы, группы, вазы, урны, жирандоли, люстры, канделябры, подсвечники и прочие вещи»⁴, различные ткани⁵, «глазеты всякие»⁶, иностранные изделия из дерева плотничьей, столярной, токарной и резной работы⁷, «зеркала и зеркальные стекла»⁸, «зонтики всякие», «зубочистки всякие»⁹, «сахар рафинад», «леденец в головках, касках и толченый»¹⁰, «уборы женские, головные, как то: чепчики, шелковые шляпы, токи и тому подобное»¹¹, «шеколад всякий»¹² и др.)

¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 836; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. СПб., 1885. Т. 3. С. 445.

² См.: 6624. — 1833. Декабря 12. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенатом 11 Апреля 1834. — О новом издании общего Тарифа по Европейской торговле // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 1: 761; 6624. — 1833. Декабря 12. Общий Тариф для всех портовых и пограничных Таможен Российской Империи по Европейской торговле // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2: 324–365.

³ 6624. — 1833. Декабря 12. Общий Тариф для всех портовых и пограничных Таможен Российской Империи по Европейской торговле // ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2: 324.

⁴ Там же. С. 325, 334, 342.

⁵ Там же. С. 326–327.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ Там же. С. 332–333.

⁸ Там же. С. 334.

⁹ Там же. С. 334.

¹⁰ Там же. С. 353.

¹¹ Там же. С. 356.

¹² Там же. С. 359.

Ввозными пошлинами облагалась также, согласно Таможенным тарифам 1782, 1796, 1797 и 1819 гг., заграничная «лапша» — «лапша или макароны всякого роду»¹, — предпочитаемая, вместо украинских галушек, колдуном «Страшной мести» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 219], и любимый колдуном кофе² — «черная вода», употребляемая им «вместо водки из фляжки, бывшей у него в пазухе» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 219]³.

Начиная с изображения пограничного хутора пана Данила, тему таможенных охранительных мер против контрабанды Гоголь в своих произведениях затрагивал неоднократно⁴. Герой его незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени», угодливый, проницательный чиновник говорит, в частности, своему начальнику, важному петербургскому сановнику: «...Представьте меня непременно к награде! Я <...> усердно вам служу, доставляю запрещенный товар» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 136]. Строки окончательной редакции «Ревизора»: «Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 257], — связаны с публикацией в начале июня 1841 г.⁵ соответствующего правительственного указа о заграничных консервах — «О запрещении привоза из-за границы съестных припасов, герметических закупоренных»⁶. Можно вспомнить и рассказ о службе Чичикова на

¹ Тарифы по Европейской торговле. Отделение второе. С 1782 года по 1822 год // ПСЗРИ 1. Т. 45: 124–125.

² Там же. С. 116–117.

³ В одном из куплетов составленного Гоголем сборника «Южнорусских песен» есть такой стих: «Кобы мини з ранку кафы филижанку...» [Гоголь 2009–2010. 17: 184]. Кафа (кава) — кофе; филижанка (філіжанка) — чашка для кофе (укр.). Однако Гоголь по созвучию слов, вероятно, предположил, что «филижанка» означает фляжку, вследствие чего «фляжка» с «черной водой» и появилась в «Страшной мести».

⁴ Об осмыслении Гоголем исторической подоплеки промышленного производства в Западной Европе предметов роскоши и комфорта см.: [Виноградов 2010; Виноградов 2018а: 41–52].

⁵ Впервые отмечено, без указания года указа, П. Н. Столпянским [Столпянский: 65].

⁶ «По представлению его, Министра Финансов, Государь Император, в 23 день Мая Высочайше повелеть соизволил: съестные припасы, для долговременного сбережения герметически закупоренные и от прикосновения воздуха скорой порче подверженные, запретить вовсе к привозу из-за границы, кроме находящихся в прозрачных сосудах, и с тем, чтобы не допускать никаких изъятий» (14565. — 1841. Мая 23. Именный,

таможне — предателем интересов которой, интересов государства, является этот герой. На протяжении карьеры во всей своей деятельности Чичиков обманывает прежде всего государство. В предполагаемом закладе «мертвых душ» он тоже рассчитывает обвести государственную финансовую, банковскую систему. В своей проделке Чичиков намеревается воспользоваться положениями о займах из государственного Опекунского Совета¹. (Механизм операций по закладу был хорошо известен Гоголю хотя бы потому, что в Опекунский Совет неоднократно закладывалось его собственное имение. «Заклад в казну был тогда еще дело новое, на которое решались не без страха» [Гоголь 2009–2010. 5: 231].)

О таможенной службе Чичикова Гоголь упоминает об «остроумном путешествии испанских баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев» [Гоголь 2009–2010. 5: 228–229]. На ввозимые в Россию из-за границы кружева тоже налагалась высокая таможенная пошлина. (На брабантские кружева, появляющиеся в Таможенном тарифе 1819 г., взималось 5 рублей серебром с фунта². В 1833 г. плата была повышена до 12 рублей³).

объявленный Министром Финансов. — О запрещении привоза из-за границы съестных припасов, герметических закупоренных // ПСЗРИ 2. Т. 16. Отд. 1: 393–394.

¹ Свод соответствующих указов по опекунским советам см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 313–316; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 2. С. 830–833. См. в частности: 19.366. — 1800. Апреля 3. Высочайше утвержденный доклад Ея Императорского Величества, яко Главной начальствующей над Воспитательными домами. — О правилах для облегчения заимщиков из сохранный и ссудной казны // ПСЗРИ 1. Т. 26: 113; 3262. — 1829. Октября 27. Высочайше утвержденные правила С. Петербургской и Московской Сохранных Казен // ПСЗРИ 2. Т. 4: 754–770. — Существовал также указ о займах из Государственного Банка: 29.940. — 1824. Июня 4. Высочайше утвержденное положение об открытии вновь займов из Государственного Заемного Банка, с приложением штата сему Банку // ПСЗРИ 1. Т. 39: 354–366.

² Тарифы по Европейской торговле. Отделение второе. С 1782 года по 1822 год // ПСЗРИ 1. Т. 45: 15.

³ 6624. — 1833. Декабря 12. Общий Тариф для всех портовых и пограничных Таможен Российской Империи по Европейской торговле //

Примечателен также образ ростовщика, выведенный Гоголем в «Портрете», а кроме того, упоминание во второй редакции этой повести о молодом князе, который, вступив в связь с нечистой силой, явился вскоре в столице «окруженный пышностью и блеском неимоверным» — устроенные им «блистательные балы и праздники» сделали его «известным двору» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 105].

(О блистании на «придворных балах» Гоголь еще дважды упоминает в напечатанной тогда же драматической сцене «Отрывок» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 426]. По словам А. О. Смирновой, за умение «дать бал хор<ошо> и экономно» Гоголь, в частности, ценил сестру графа А. П. Толстого графиню С. П. Апраксину. «Если этому надо быть, то ч<тобы> меньше было времени и денег», — говорил Гоголь [Виноградов 2017–2018. 6: 164]. В 1841 г. в заметках «К 1-й части» «Мертвых душ» он записал: «Весь Город со всем вихрем сплетней преобразование бездельности жизни всего человечества в массу. Рожден бал и все соединения. Сторона главная, бальная, общества» [Гоголь 2009–2010. 5: 503]. В самой поэме тоже имеется замечание, что бал у губернатора — «дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, иначе никак не будет надлежащий любви и уважения со стороны дворянства» [Гоголь 2009–2010. 5: 156]).

Это направление гоголевских обличений также мотивировано целым рядом правительственных постановлений — наряду с указами о роскоши, указами о ростовщичестве¹. Выразительное свидетельство о размахе займов петербургской аристократии оставил, в частности, один из высокопоставленных петербургских чиновников той поры — управляющий почтовым департаментом К. Я. Булгаков. В письме к брату от 17 июля 1825 г. он, в частности, сообщал, что в Петербурге «только и говорят о компании, приехавшей из Голландии с капиталом 250 миллионов рублей, с тем, чтобы отдавать здесь деньги займы по 5 процентов»: «...Они не менее миллиона дают одному лицу, под залог имени... <...> Охотников <...> много на деньги. <...> Их комиссионер <...> мне сказывал, что кто-то просит 10 миллионов» [Булгаков: 194–195]. Противоположное по размаху мелочное упоминание в «Портрете» о ничтожном занятии обитателей Коломны, также являю-

ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2: 340, 356.

¹ ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 724–725; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 364–367.

щихся клиентами ростовщика, — о торговле «старым тряпьем» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 101], тоже связано с законами: оно подразумевает указ «О запрещении торгога старым платьем и лоскутьями» 1808 г. (во избержание «прилипчивых болезней»)¹.

* * *

Повести Гоголя «Невский проспект» и «Нос», строго говоря, тоже не являются «сатирическими», однако содержат резкий критический пафос и имеют вполне основательную законодательную базу. Их содержание явно перекликаются с весьма многочисленными, на протяжении целых двух столетий, указами государства о распутстве² — о порочащем поведении³, которое, по словам одного из указов, разрушает «дворянское достоинство» и нетерпимо «не только в дворянском, но и ни в каком обществе»⁴. В частности, в адресованном майору Ковалеву замечании полицейского пристава о том, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые <...> таскаются по всяким непристойным местам» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 53], прямо угадывается предписание Полицейского устава «всем и каждому» «в дом, открытый днем и ночью ради непотребств» не входить⁵. Согласно действовавшим указам, женщины, занимавшиеся постыдным ремеслом, после излечения от болезней, подлежали высылке

¹ 22.775. — 1808. Генваря 25. Именной, данный Сенату. — О запрещении торгога старым платьем и лоскутьями // ПСЗРИ 1. Т. 30: 41.

² См. сводные указатели указов о распутстве 1649–1819 и 1829–1841 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1: 112–113; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386.

³ С правительственными указами о пресечении распутства перекликается внесенный Гоголем, вероятно, еще в Нежине, в его «Книгу всякой всячины...» указ городского Миргородского правления 1720 г. о наказании за «соромитизну» некоей Вацьки Куликивны: «...Велели сию неверную Вацьку добре барбарами шмароваты и пану сотниковъ вѣчно в пекарню отдачи...» [Гоголь 2009–2010. 9: 517].

⁴ 2698. — 1829. Февраля 27. (Распубликовано от Сената 1 Апреля). Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. — О мерах для исправления неслужащих чиновников развратного поведения // ПСЗРИ 1. Т. 4: 132.

⁵ 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ 1. Т. 21: 480.

в Нерчинск¹. (Выселением из Нежина нескольких публичных женщин² закончилось, кстати сказать, «дело о вольнодумстве», расследовавшееся в 1826–1830 гг. в нежинской Гимназии высших наук, где учился Гоголь).

О распутстве, приобретающем силу самого «закона», вопреки действительным законам, Гоголь, в частности, упоминает в черновой редакции отдельной сцены «Ревизора» «Хлестаков и Растаковский», где отставной майор Растаковский рассказывает об обыкновении квартирмейстера Трепакина проводить ночь в палатке с очередной девушкой и заключает: «...это был уж закон...» [Гоголь 1937–1952. 4: 194]. Вопреки этому «закону» одно из положений действовавшего Воинского устава гласило: «Никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные найдутся, имеют <...> явно выгнаны быть»³.

Размышлял также Гоголь об итогах подобного нарушения армейской дисциплины, воинского «закона». Интерес Растаковского к щекотливой теме он «позаимствовал» из написанной ранее своей Повести о ссоре, взяв эту черту от такого же, как Растаковский, оставного военного — городничего Петра Федоровича. И тот, и другой одинаково упоминают о давних военных кампаниях и одинаково предаются воспоминаниям о случившихся тогда любовных историях. Растаковский делает это, характеризуя Трепакина; герой Повести о ссоре — в рассказе о самом себе: «...Во время кампании тысяча восемьсот седьмого года <...> я перелез через забор к одной хорошенькой немке» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 480]. Фривольные приключения в военном походе героя «Миргорода» заставляют, в свою очередь, вспомнить историю еще одного «миргородского» героя — предателя Андрия в «Тарасе Бульбе», влюбившегося дочь врага, польского воеводы.

Сам Гоголь говорил о себе, что провел немало времени «за Библией, за Моисеем, Гомером — законодателями веков минувших» [Гоголь

¹ 11.826. — 1763. Мая 20. Сенатский. — О скорейшем лечении в госпиталях воинских чинов, одержимых венерической болезнью, и о ссылке обличающихся в непотребстве женщин, по излечении от болезни, в Нерчинск на поселение // ПСЗРИ 1. Т. 16: 258–259; 12.391. — 1765. Мая 4. Именной, объявленный Генерал-Полицеймейстером Чичериным. — Об отсылке вдов и девок за праздность и беспорядочное поведение на поселение в надлежащие места под караулом // ПСЗРИ 1. Т. 17: 129.

² См.: [Виноградов 2017–2018. 1: 641].

³ 3006. — 1716. Марта 30. Устав воинский // ПСЗРИ 1. Т. 5: С. 373.

2009–2010. 14: 412]. В «Переписке с друзьями» он замечал: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом...» [Гоголь 2009–2010. 6: 67–68]. По всей вероятности, как в реплике Растаковского о палатке Трепакина, так и в рассказе о гибели Андрия Гоголь, как знаток Священного Писания — важнейшего законодательного и нравственного кодекса человечества, — тоже имел в виду не только Воинский устав, но и соответствующие примеры из Библии. К характеристике Тепакина ближе всего стоит история св. праведного Финееса, поразившего копьем отступника Зимри, когда на глазах у всех тот привел к себе в шатер нечестивую женщину-мадианитянку (Чис. 25, 6–8, 14–15). Рассказ об Андрии «повторяет» историю о Иудифи, прельстившей и погубившей своей красотой вражеского военачальника Олоферна. В этой истории свою роль играет и «палатка» — «шатер» Олоферна, где принарядившаяся Иудифь убивает Олоферна. Как и в «Тарасе Бульбе», действие здесь происходит под стенами осажденного города, готового от голода и жажды сдать врагу. Так «вооружается» Иудифь, когда отправляется в «палатку» к Олоферну: «...Обула ноги свои в сандалии и возложила на себя <...> цепочки <...> и все свои наряды, и разукрасила себя, чтобы прельстить глаза мужчин, которые увидят ее» (Иудифь, 10, 4). И конец истории: «Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его, <...> но Иудифь, дочь Мерарии, красотой лица своего погубила его; <...> надела для прельщения его льняную одежду. Ее сандалии восхитили взор его, и красота ее пленила душу его; меч прошел по шее его» (гл. 16, ст. 6–9).

Тему женского «могущества» — «могущества слабости» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 7] — Гоголь опять-таки вполне обозначил еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». С темой распутства связан выведенный в «Страшной мести» образ сластолюбивого колдуна, а «прообразами» для распутных героев позднейшей комедии «Игроки» Гоголю послужили польские паны из той же повести: «Играют в карты... <...> Набрали с собою чужих жен. <...> Слышно между общим sodomом, что говорят про заднепровский хутор пана Данила, про красавицу-жену его...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 229].

Как уже отмечалось, причудливые маршруты героев «Ночи перед Рождеством» и похожие стремления героев «Майской ночи...» распределяются между церковью и шинком — однако никогда не минуют,

даже в самом храме, влияния либо «ведьмы» Солохи, либо красавицы Оксаны. С осмысления этого сквозного для Гоголя мотива начинается обращение писателя к жанру обличительной комедии. Первые попытки работы в жанре комедии относятся ко времени, последовавшем сразу за созданием «Вечеров...» [Виноградов 2017–2018. 2: 176–181]. Летом 1832 г. датируется черновой гоголевский набросок «Комед<ия>» («Матер<иалы> общие», «Матер<иалы> частн<ые>») [Гоголь 2009–2010. 7: 130]¹. К тому же времени относятся строки чернового наброска Гоголя на отдельном листе к «Отрывку из Истории Малороссии» (позднейшее название — «Взгляд на составление Малороссии»): «Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам. С начала весны все девки и парни выходят на улицу из хат и поют приветствия весне. Улица делается всеобщим собранием. Как просто, как высоко достигнуто это удержимое средство (о свадьбах). Человек ничего так не боится, как стыда» [Гоголь 1937–1952. 8: 600]. Гоголь имеет здесь в виду свадебные обычаи козаков, описанные французским военным инженером и путешественником Г. де Бопланом [Боплан: 75–77]². Свой рассказ о малороссийской свадьбе Боплан заключал: «Хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна; но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются оне, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения» [Боплан: 77]. С размышлениями 1832 г. связаны позднейшие строки Гоголя в «Театральном разъезде...» (1842): «...Насмешки

¹ Обозначенное в отрывке «Комедия» «старое правило» («уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанного предмета на огромное расстояние» [Гоголь 2009–2010. 7: 130]) положено Гоголем в основу целого ряда произведений. Отчетливо эта идея воплощена уже в «Вечере накануне Ивана Купала». Это же «правило» позднее определило сюжет незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени». Герой «Записок сумасшедшего», замысел которых восходит к «Владимиру 3-ей степени», также замечает: «Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 169]. Очевидно, что и судьба Чичикова, все предприятия которого, направленные к обогащению, срываются одно за другим, строится Гоголем в согласии со «старым правилом». «...Как только начинаешь <...> уже касаться рукой <...> вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля», — говорит Чичиков в заключительной главе второго тома поэмы [Гоголь 2009–2010. 5: 469].

² Указано: [Тихонравов: 578].

боится даже тот, который уже ничего не боится на свете» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 468].

В качестве отпора царящему беззаконию прямыми образцами для подражания, «законами» для жизни, Гоголю служили также подвиги, описанные в житиях святых — агиографических повествованиях, знакомых ему с детства. Так, назидательным примером для исправления кающегося распутного колдуна в «Страшной мести» (и разгульного бурсака в «Вии») является целый сонм святых подвижников, до крови стоявших за сохранение чистоты и целомудрия. Среди них — праведный Иосиф Прекрасный, святой Иоанн Креститель — обличитель преступного брака; преподобный Мартиниан Кесарийский (V в.); мученица Фомаида Египетская (V в.); преподобный Моисей Угрин (XI в.), преподобный Иоанн Киево-Печерский, Многострадальный (XII в.). На подвиг последнего святого, Иоанна Многострадального, зарывшего себя в землю по плечи в борьбе с одолевавшей страстью, прямо указывают строки «Страшной мести», в которых сластолюбивый колдун перечисляет покаянные обеты, — «закопаюсь по шею в землю» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 227].

Жития святых подразумеваются также в Повести о ссоре, где Гоголь воплотил еще одну сквозную для его творчества тему — господство пагубной, преступной для христианина непримиримой вражды, противоречащей не только частным гражданским постановлениям, но всему строю евангельских заповедей. По словам апостола Павла, для христиан само по себе «унизительно» «иметь тяжбы между собою» (1 Кор. 6, 7). В Повести о ссоре мысль о христианском прощении друг другу взаимных обид подчеркнута тем, что герои продолжают враждовать и в самой церкви. Из жалобы Ивана Ивановича на своего соседа явствует, что это церковь Трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, устранивших распрю о них среди православных христиан в Константинополе в XI в. В качестве других агиографических «прототипов» для Повести о ссоре могут служить житие мученика Никифора Антиохийского, где рассказывается о пагубной ссоре Никифора с священником Саприкием; житие преподобного Тита Печерского, повествующее о вражде между ним и диаконом Евагрием. Житию Тита гоголевская повесть тем созвучней, что житийная история тоже обличает вражду, не утихающую в самой церкви: «Егда бо идяше един от них с кадил<ь>ницею в церкви, тогда другий отбегаше

фимиама: аще ли когда сей не отбеже, тогда он преминоваше его, не покадив»¹. Строки жития как бы досказывают то, о чем не говорится, но что однозначно подразумевается в гоголевской повести: «...И причащаются <...> дерзаху не смирившися между собою, ниже прощения получивше...»². Еще один агиографический «прототип» Повести о ссоре — жития блаженных Николая и Феодора Новгородских, где говорится о показательной вражде святых между собою, затеваемой только для того, чтобы представить новгородцам нелепость их взаимных распрей. Последнее повествование не менее близко к гоголевской повести, так как изображение безрассудной вражды двух Иванов преследует ту же цель, что и демонстративно бессмысленные поступки юродивых.

* * *

Список важных переключек обличительного пафоса гоголевских произведений с правительственными начинаниями можно дополнить значимыми примерами из других «петербургских» повестей Гоголя. Изображение героев «Записок сумасшедшего» и «Шинели» — титулярных советников Поприщина и Башмачкина — прямо связано с законодательно оформленными условиями продвижения чиновничества по карьерной лестнице, а также усилиями министра народного просвещения С. С. Уварова по привлечению служащих к сдаче университетских экзаменов для получения следующего чина (и, одновременно, для повышения чиновниками их социального статуса, а также духовного возрастания) (см.: [Виноградов 2018b: 43–45]). Без сдачи утвержденных экзаменов перейти со ступени титулярного советника к следующему чину — коллежского асессора — было невозможно. Поэтому Гоголь и называет своих нерадивых, бездарно проводящих свое свободное время героев «вечными титулярными советниками» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 115]. (Особым образом эта тема затрагивается в повести «Нос», герой которой, «майор» Ковалев, стремясь вырваться из титулярных советников, отправляется даже на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов).

¹ Житие преподобного Отца нашего Тита, пресвитера Печерского // Книга житий святых на три месяца вторых, еже есть Декамврий, Январий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 563 об.

² Там же.

В русле многочисленных правительственных распоряжений, в том числе 1834 г., находится замечание в «Невском проспекте» о псевдо-педагогике иностранных «гувернеров всех наций», «английских Джонсах и французских Коках», гуляющих со своими питомцами по Невскому проспекту [Тоголь 2009–2010. 3/4: 8]. 25 марта 1834 г. в связи с провозглашенным С. С. Уваровым курсом был издан Высочайше утвержденный указ «О воспрещении принимать иностранцев обоего пола без надлежащих свидетельств в дома Дворян, Чиновников и купцов, в учительские, наставнические и гувернерские звания»¹ (в подтверждение указа Императрицы Елизаветы Петровны от 5 мая 1757 г.², а также Устава учебных заведений от 8 декабря 1828 г.³), а затем, 1 июля 1834 г., — Высочайше утвержденное «Положение о домашних наставниках и учителях»⁴. (Этому же вопросу посвящена публикация Уварова в «Журнале Министерства Народного Просвещения» «Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах»⁵).

Не менее обширная правовая, законодательная база лежит в основе замысла главного произведения Гоголя — поэмы «Мертвые души».

¹ Высочайшие повеления. (С 1 Января по 1 Апреля 1834) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. Ч. 2. № 4. Апрель. С. LXXI–LXXIII. См. также: 6928. — 1834. Марта 25. (Распубликован 19 апреля). Именной, данный Сенату. — О воспрещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов // ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1: 229–230.

² 10.724. — 1757. Мая 5. Именной, объявленный из Сената. — О предварительном испытании в науках иностранцев, желающих определяться в частные дома для обучения детей, и о взыскании штрафа с тех, которые примут к себе в дом и станут держать учителя, не имеющего должного аттестата // ПСЗРИ 1. Т. 14: 765.

³ 2502. — 1828. Декабря 8. Устав Гимназий и Училищ Уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗРИ 2. Т. 3: 1122, 1127.

⁴ Высочайшие повеления. (За Июль месяц) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. Ч. 3. № 8. Август. С. XVII–XXXVI. См. также: 7240. — 1834. Июля 1. (Распубликован 17 Июля). Высочайше утвержденное Положение о Домашних Наставниках и Учителях // ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1: 674–681.

⁵ <Уваров С. С.> Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. 138–145.

Едва приступив к ее созданию, Гоголь уже сообщал Пушкину: «Начал писать Мертвых душ. <...> Ищу хорошего ябедника (т. е. судейского крючкотвора. — И. В.), с которым бы можно коротко сойтиться» [Гоголь 2009–2010. 11: 33]. Многочисленные указы о «ревизии душ»¹, безусловно, были хорошо знакомы Гоголю и как помещику, и как создателю поэмы о спекуляции «мертвыми» душами. Тему эту Гоголь опять-таки затронул еще в «Вечерах...», где «феодальная» владелица своих «вассалов» тетушка Василиса Кашпоровна в повести «Иван Федорович Шпонька...», будучи представительницей власти, занимается противозаконным сокрытием настоящего числа душ в имении племянника ради уменьшения подушных податей. С самых первых указов о «ревизии душ» такое сокрытие строго преследовалось: «прикащикам, старостам и выборным людям» за утайку полагалась «смертная казнь»; помещики наказывались лишением их владельческих крестьян против утаенного вдвое².

Помимо указов о «ревизии душ», из других конкретных законов, подразумеваемых в «Мертвых душах», можно указать на сюжет с запоздалым заведением в 1814 г. «инвалидного капитала» для увечных воинов в «Повести о капитане Копейкине». В этой же вставной новелле подразумеваются соответствующие указы 1814–1816 гг., содержание которых значимо также для понимания других гоголевских произведений: образа городничего — военного *инвалида* в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; бывшего воина, отставного майора Растаковского в «Ревизоре»³. Кроме того,

¹ Сводный указатель законов о «ревизии душ» 1718–1825 и 1826–1874 гг. см.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 755–756; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386–389.

² См.: 3287. — 1719. Генваря 22. Именной, объявленный из Сената. — Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взысканиях за утайку душ // ПСЗРИ 1. Т. 5: 618–620. — Между ревизиями помещик, при увеличении числа душ в его имении, должен был предоставлять дополнительные ревизские сказки, однако Василиса Кашпоровна этого не делает: «...Известно, что в твоём хуторе осьмнадцать душ; впрочем, это по ревизии, а без того, может, наберется больше, может, будет до двадцати четырех» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 258].

³ 2857. — 1829. Мая 3. Именной, данный Сенату. — О порядке производства дел по Министерству Внутренних дел // ПСЗРИ 1. Т. 4: 296–302; Список должностям, замещаемым ранеными Штаб и Обер-Офицерами, по назначению Комитета 18 Августа 1814 года (Там же.

в «Повести о капитане Копейкине» подразумеваются два правительственных указа 1826 г. о наказании декабристов [Виноградов 2018b: 40–41].

* * *

Таким образом, все творчество Гоголя, поставленное в «правильный», авторский контекст, приобретает новое, неожиданное звучание, приоткрывает свой цельный, последовательный, непротиворечивый характер, обнаруживает черты, общие для всех жанров.

Высочайший указ 1832 г. о запрещении пагубных азартных игр стал для Гоголя одним из побудительных мотивов при создании другой комедии — «Игроки». Указ был издан в подтверждение прежнего указа «о истреблении непозволенных карточных игр» 1801 г.¹, а также еще целого ряда других многочисленных правительственных законов и постановлений, запрещавших азартные игры «в карты, в кости, в зернь и проч.», начиная с XVII в. (ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1: 748). Указом 1832 г. «картежная игра» была признана в России «благовидной отраслью грабежа», «в одно мгновение отъемлющей достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное, и предающей оное людям, своими

С. 302); 4406. — 1831. Марта 7. (Распубликован 19 Марта.) Именной, данный Сенату. — О порядке определения Штаб и Обер-Офицеров, состоящих в покровительстве Комитета 18 Августа 1814 года, на вакансии Полицеймейстеров и Городничих // ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1: 214; 4731. — 1831. Июля 30. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О местах, на какие определяемы быть могут отставные от Военной службы за ранами Офицеры, находящиеся под покровительством Комитета, учрежденного в 18 день Августа 1814 года // ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1: 724–725; 8321. — 1835. Июля 19. Именной, объявленный Министру Внутренних Дел Военным Министром. — О переименовании в военные чины тех только Полицеймейстеров и Городничих, кои в военной службе находились // ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 1: 833–834; 8702. — 1835. Декабря 22. Именной, объявленный Министру Внутренних Дел Военным Министром. — О зачислении по армии и кавалерии Полицеймейстеров и Городничих // ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 2: 1241.

¹ 19938. — 1801. Июля 11. (Распубликован от Сената 1 Августа). Именной, данный Санкт-Петербургскому Военному Губернатору Голенищеву-Кутузову. — О истреблении непозволенных карточных игр // ПСЗРИ 1. Т. 26: 713.

поступками позор общества составляющим»¹. Игроки по этому указу предавались уголовному суду. М. Ю. Лермонтов, подразумевая указ 1832 г., в одной из редакций драмы «Маскарад» (1835) вложил в уста своего героя, карточного шулера, следующую реплику: «За то, что прежде, как нелепость, / Сходило с рук не в счет бедам, / Теперь Сибирь грозитя нам / И Петропавловская крепость» [Лермонтов: 696].

Указ 1832 г. о «сборищах для запрещенной картежной игры» (которые «местные Начальства» должны «открывать» и преследовать как недопустимую в государстве «нравственную заразу»), безусловно, имеет в виду и гоголевский Городничий, когда в ответ на заманчивое предложение «ревизора» Хлестакова сыграть в карты, замечает: «Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (Вслух.) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 254]. Близкое «родство» лицемерного обманщика и любителя карт Городничего с героями «Игроков» с очевидностью указывает на то, что в «Ревизоре» Гоголь обличает вовсе не «государственную машину», т. е. «власти предержажие» как таковые, но мошенников на чиновничьих местах, шулеров — в прямом и переносном смысле. В десятой главе «Мертвых душ» автор не случайно характеризует главных чиновников губернского города как шайку игроков-мошенников: «Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; <...> но когда прочитал в записке городничего, что может случиться пожива, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту...» [Гоголь 2009–2010. 5: 201]. Правительство с этим явлением неустанно боролось. Существовал даже указ «О приостановлении производства в чины тех, кои изобличены будут в азартных играх, или вообще в игре на большие суммы»². Понятно, что чин

¹ Высочайшие указы, за собственноручным ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подписанием... // Санктпетербургские Сенатские Ведомости. 1832. 19 марта. № 12. С. 469–470; 5227. — 1832. Марта 12. (Распубликован Сенатом 17 марта). Именной, данный Сенату. — О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной картежной игры местными Начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду, для строгого по законам наказания, без всякого различия званий и чинов // ПСЗРИ 2. Т. 7: 139–140. — В частности, более половины немалых долгов А. С. Пушкина на момент смерти составляли карточные [Белых: 182].

² ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2: 1292; 11.275. — 1761. Июня 16. Сенатский. — О запрещении азартных <так> игр и о дозволении играть в дворянских до-

генерала, прельщающий Сквозника-Дмухановского, по этому указу получен им быть не может.

(Первый приступ к обличению карточной игры был сделан Гоголем еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — сразу в трех повестях: в «Пропавшей грамоте» («шулерская» игра ведьм в «пекле» с героем этой повести); в «Иване Федоровиче Шпоньке...» («...двое из офицеров были страшные игроки в банк и проигрывали <...> даже исподнее платье...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 250]); в «Страшной мести» («Играют в карты, бьют картами один другого по носам» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 229]).

* * *

Почти везде, где Гоголь защищает свои произведения от произвольных интерпретаций в радикальном духе, он упоминает о законах государства, о том, что его сочинения являются продолжением деятельности правительства по укреплению законности и христианского воспитания подданных. Усилия правительства по искоренению взяток и карточной игры можно безошибочно назвать теми «правдивыми законами», в качестве прямой поддержки которых Гоголь, по его признанию, создавал «Ревизора».

Еще в год создания комедии Гоголь писал: «Благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, <...> и этим подаст от себя помощь и крылья его правдивому закону» («Петербургская сцена в 1835–36 г.»; [Гоголь 2009–2010. 7: 510]).

Имея в виду разрешение Государем «Ревизора» к постановке и печатанию, Гоголь отвечал своим недоброжелателям: «[Высоким и разумным движением было подвинуто ко мне правительство наше.] Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего» [Гоголь 1937–1952. 5: 387]. 15 мая 1836 г. Гоголь общал также М. П. Погодину о восприятии публикой «Ревизора»: «...Невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины...» [Гоголь 2009–2010. 11: 54]. На примере Белинского можно судить, что «невежество» в понимании гоголевских произведений с годами становилось лишь агрессивнее и агрессивнее.

мах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры // ПСЗРИ 1. Т. 15: 731–732.

В свете неизменных усилий правительства по искоренению должностных преступлений, взяток и карточной игры гоголевский Городничий, являющийся представителем власти в провинциальном городе, мечтающий о служебном повышении и переезде в Петербург, на деле — как нарушитель государственных законов и постановлений — является противником и даже врагом власти.

«Верность к службе Императорского Величества» предписывалась чиновникам самим законом¹. Тема измены чиновных мошенников государственным интересам — и лично Государю — звучит с первых строк пьесы: «...Министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены» [Гоголь 2009–2010. 7: 381]. Согласно редакции комедии 1841–1842 гг., чиновники, предполагая дать взятку Хлестакову, рассуждают: «Опасно <...> раскричится: государственный человек... <...> [Скажет: что вы, кому вы, да как вы смеее, хотите, чтоб я изменил Государю?...]» [Гоголь 1937–1952. 4: 57, 460–461].

Гоголь обличает тех представителей общества и власти, которые, находясь на государственной службе, будучи зависимы от казны, подлинными служителями Отечества, однако, не являются. Этот упрек в лицемерии, в неисполнении своего гражданского долга можно было бы адресовать многим.

В неотправленном письме к Белинскому Гоголь подчеркивал: «...Правительство состоит из нас же: мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство огромные корпорации воров, <...> думаете, этого не знает никто из Рус<с>ких?..» [Гоголь 2009–2010. 14: 386]. «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...», — замечал ранее Гоголь в «Театральном разезде...» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 444]. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он также указывал: «...Наши <...> плуты и взяточники <...> умеют обойти всякий указ... <...> ...Куды ни обращай, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» [Гоголь 2009–2010. 6: 79].

К «врагам» Гоголя и врагам государства относится не только городничий «Ревизора». Это и уездный судья в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», который вместо исполнения своих должностных обязанностей с увлечением обсуждает с сослуживцем достоинства певчего дрозда. К этим образам примыкает

¹ 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // ПСЗРИ 1. Т. 21: 465.

занятый комнатной собачонкой важный чиновник «Утра делового человека», и даже сам губернатор в «Мертвых душах», который, «помимо других занятий, трагит свое время на изготовление кружев» [Scevyrev, Rubini: 250]. В этой связи Гоголь в статье «Петербургская сцена 1835–36 г.» упоминал об «одном генерале, гордом человеке, черством в обращении, который не сумел привязать к себе своих подчиненных <...> совсем <их> распустил <...> и, вместо своих занятий, спускал бумажку или вязал дамский чулок» [Гоголь 2009–2010. 7: 510].

Среди «врагов» Гоголя — врагов государства, которых обличает писатель, находится также изощренный в кривом толковании законов, «спаситель» мошенника Чичикова «колдун»-юриисконсулт во втором томе поэмы. Этот герой представляет собой развитие образа искусного на мошенничестве «чудного» цыгана «Сорочинской ярмарки», который, как указывалось, за свои «великие достоинства» достоин одной «награды» — «виселицы» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 97].

Проблему дискредитации власти подобными «рядовыми» исполнителями Гоголь поставил еще в «Майской ночи...», где вывел образ сластолюбивого сельского головы, рассуждающего о наказании парубков-«бунтовщиков»: «...Заковать в кандалы и наказать примерно. Пусть знают, что значит власть! От кого же и голова поставлен, как не от царя?» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 144].

(Как показывает Гоголь, стремлением стать «головою» исполнено при этом все взрослое мужское население деревни, от «вольнодумных» парубков до пьяного Каленика. Подобное соперничество царит и среди «демократических» запорожцев: «Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подалее»; «Ночь перед Рождеством»; [Гоголь 2009–2010. 1/2: 198]. Внимание верховной власти — предмет жгучей зависти героев «Страшной мести»: «...Петро <...> не мог вынести того, что Иван получил такую честь от короля, и затаил глубоко на душе месть» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 244]. Ср.: «И призрел Бог на Авеля и на дары его, на Каина же и на жертвы его не внял. И опечалился Каин зело...»; Быт. 4, 4–5).

Согласно «комиссаровой» записке голова в «Майской ночи...», сидевший во время проезда через село Екатерины II на козлах с царицыным кучером, вместо своих должностных занятий — собирать недоимки, чинить мосты, наблюдать за порядком в селе — между «мужиками, или дворянами, как называют себя козаки» [Гоголь 2009–2010. 1/2:

176], — «одурел и строит пакости» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 151]. Голова здесь, кстати, изображен таким же взяточником, как Городничий в «Ревизоре».

* * *

В свою очередь, уже в «Майской ночи...» Гоголь обозначил проблему «оппозиционности» «лишнего», или «огорченного»¹ человека. Так, «бунтовщик» Левко в «Майской ночи...» является хоть не вполне очевидным, однако все-таки узнаваемым «потомком» «мечтателя» Ганца Кюхельгартена из одноименной юношеской поэмы Гоголя.

Очевидными реминисценциями из «Ганца Кюхельгартена» являются в «Майской ночи...» следующие, связанные с ранней поэмой «генетически», описания: «А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. <...> Тут он приблизился к хате; окно было отперто; лучи месяца проходили чрез него и падали на спящую перед ним Ганну; <...> ее <...> губы шевелились, неясно произнося его имя» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 133, 153]². Эти описания перекликаются с романтическими «чудными тенями»-призраками в «Ночных видениях» «Картины XI» и любованиями Ганца в «Картине XVIII», наблюдающего у открытого ночного окна за девушкой, которая призывает героя в песне («Тебя зову! тебя зову!») [Гоголь 2009–2010. 7: 35–38, 47].

При этом фамильное прозвище «оппозиционного» персонажа ранней гоголевской поэмы — Ганц *Кюхельгартен* определенно напоминает «немецкую» фамилию известного декабриста, поэта-романтика Вильгельма Карловича *Кюхельбекера*. На это сходство обратили внимание еще советские исследователи [Десницкий: 53–57; Иофанов: 197–198]. К вышеприведенному наблюдению следует добавить, что В. К. Кюхельбекер написал по поводу кончины Дж. Байрона стихотворение «Смерть Байрона» (1824). Байрон умер в Миссолунги, городе восставшей Греции, который упоминается в «Ганце Кюхельгартене». (Герои поэмы за уютным застольем говорят «про Мисолунги, про дела войны» [Гоголь 2009–2010. 7: 24]). В упомянутых «Ночных видениях»

¹ См.: [Виноградов 2018b].

² Попутно подчеркнем, что отмеченные реминисценции указывают на «местные», украинские (а не на «немецкие») корни гоголевских описаний в юношеской поэме.

«Ганца Кюхельгартена» нашли отчетливое отражение следующие строки из стихотворения Кюхельбекера о Байроне, о творческом гении английского поэта: «По мрачным, тяжким облакам <...> Горе парящий великан <...> Шумя широкими крылами, / Летит — и скрылся дивный дух...» [Кюхельбекер: 194–195]. В «Ганце Кюхельгартене» эти образы из стихотворения Кюхельбекера повторяются: «На серебряном ковре, / Весь затканый облаками, / Чудный дух летит в огне, / Север, юг покрыл крылами» [Гоголь 2009–2010. 7: 36].

Имя оппозиционного поэта-декабриста — Вильгельм — тоже обыгрывается в «Ганце Кюхельгартене». Это имя носит прозаический «мызник» Вильгельм Баух, являющийся своего рода «двойником» романтика Ганца. Именно «мызник» Вильгельм, женатый на «разумной хозяйке» Берте, беседует перед сытным обедом со своим тестем-пастором о судьбе восставшей Греции — том крае, где потом оказывается Ганц. Посетивший Грецию герой наблюдает «разрушение и позор» Афин, попираемых мусульманской «чалмой» [Гоголь 2009–2010. 7: 39]. Расставшись с романтическими иллюзиями, женившись на дочери Бауха, «слабый» Ганц Кюхельгартен, герой-неудачник, очевидно, обречен повторить, вследствие недостаточных способностей, судьбу своего тестя, занять его место в «идиллических» сельских застольях — «Семьей довольствоваться скромной / И шуму света не внимать» [Гоголь 2009–2010. 7: 46]. Другими словами, из Ганца *Кюхельгартена* герой со временем должен превратиться в *Вильгельма* Бауха (Баух (нем. Bauch) — чрево, живот). В своей юношеской поэме Гоголь не только использовал имя и фамилию поэта-декабриста, но даже переиначил строки из стихотворения Кюхельбекера.

* * *

Противостояние в «Майской ночи...» «пана головы» Макогоненко и его «мятежного» сына Левко с товарищами, эта веселая «притча» о властителях и подчиненных, о «структуре» общества, приобретает еще более широкое значение в другой повести «Вечеров...», в «Ночи перед Рождеством», с попаданием Вакулы в Петербург, «прямо к царице»: «Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 197]. Здесь даже у ничтожного «вечного титулярного советника» — Акакия Акакиевича Башмачкина — приобретение новой шинели связано с стремлением за-

нять в социальной иерархии более высокое место. Герой доходит даже до «отважной мысли»: «не положить ли, точно, куницу на воротник?» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 129], т. е. намеревается стать ближе к тем, у кого шинели были с «бобровыми воротниками или с бархатными отворотами» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 133].

О повышении своего «социального статуса» грезит и красавица Оксана в «Ночи перед Рождеством», мечтающая о царицыных черевичках. Само это желание обличает, по замыслу автора, ее изрядное тщеславие. Именно этим объясняется ее пренебрежительное отношение к сельскому кузнецу Вакуле. «Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 181]. «Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте, — замечает чуть ранее о ней рассказчик, — то разогнала бы всех своих девок» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 181]. В черновой редакции эта мысль была выражена Гоголем с еще большей определенностью: «Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в атласном с длинным хвостом платье, то <...> переколотила бы и выгнала десятка три горнишных» [Гоголь 1937–1952. 1: 411]. Петербург, где Вакула видит «множество <...> дам в атласных платьях с длинными хвостами» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 201] — подспудно чаемая (хотя, вероятно, не последняя) «инстанция» честолюбивых вожделений героини.

Соответственно многочисленным примерам того, как в далеком от идеального состояния обществе «один силится пред другим во что бы то ни стало взять верх хотя бы на одну минуту» (подобно обитателям цивилизованного Парижа; [Гоголь 2009–2010. 3/4: 186]); где каждый стремится «проехаться на другом верхом» (подобно героям «Вия»; [Гоголь 2009–2010. 1/2: 186]), одну из главных задач верховного правителя Гоголь видел в том, чтобы «подвести под законы и укротить своевольное неустройство <...> беспокойных магнатов государства, глядящих лесным зверем» [Гоголь 2009–2010. 7: 373]. Соответственно задачу общественного развития страны в целом Гоголь видел, в отличие от своих радикально настроенных современников, не в том, чтобы ниспровергнуть существующую якобы «неправедную» власть, но, напротив, в том, чтобы всемерно ее укреплять — как силу, вместе с Церковью заботящуюся о просвещении и воспитании тех «зверей», которые так или иначе — будучи равноправными, «рядовыми» представителями

российского общества — занимают место и в государственном аппарате. В этой связи Гоголь неизменно подчеркивал, что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе [Гоголь 2009–2010. 6: 46, 54, 86, 95, 206, 253–254; 14: 480].

* * *

В отличие от противника традиционной русской государственности Белинского, для Гоголя было характерно государственное мышление: на многие обличаемые им явления он смотрел с позиции ответственного, болеющего за дело и судьбы страны высокопоставленного чиновника или даже самого царя. Такое видение было свойственно Гоголю, может быть, и потому, что в его роду было три именитых украинских правителя — три малороссийских гетмана: гетман Евстафий Гоголь, гетман Петр Дорошенко, гетман Иван Скоропадский. Государственное мышление писатель, можно сказать, унаследовал на «генетическом» уровне, через традиции семьи. Поэтому и свою «сатирическую» деятельность он оценивал как направленную исключительно на поддержку позитивных начинаний правительства — и резко отделял государство как таковое от нерадивых исполнителей воли монарха, которых подвергал обличению в своих произведениях.

В этом отношении писатель поступал точно так же, как в аналогичных описаниях своих героев-запорожцев в «Тарасе Бульбе», где пьянство и другие недостатки воинов-патриотов изображаются как главная помеха, препятствующая осуществлению их высокого призвания. Изображение человеческих слабостей и пороков запорожских воинов служит отнюдь не «сатире» на их высокое призвание, но, напротив, включает призыв к освобождению от недостатков — ради патриотического, христианского служения.

Гоголевские обличения взяточничества, воровства и падкости чиновников на греховные удовольствия не были призывом писателя к уничтожению существующего строя, они диктовались заботой и ревностью о всемерном укреплении государственности, законности, об устранении всего того, что мешает полноценной деятельности государственной системы.

Пафос гоголевской «сатиры» направлен не против политического устройства общества, упорядочиваемого гражданскими и церковными установлениями, но против «адского духа, жаждущего разрушить

гармонию жизни» — как личной, так и общественной [Гоголь 2009–2010. 3/4: 18]. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь писал: «Смотри, как в природе совершается все чинно и мудро, в каком стройном законе, и как все разумно исходит одно из другого! Одни мы, Бог весть из чего, мечемся» [Гоголь 2009–2010. 6: 84]. Пафос обличений Гоголя — против нарушения должного порядка, против «демона», который «искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 18]. Позднее, в 1849 г., Гоголь писал своему другу К. М. Базили: «Время беспутное и сумасшедшее. <...> Соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается создания и устройства, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто Один строитель порядка!» [Гоголь 2009–2010. 15: 235].

Показательно, что изощренное лукавство Чичикова, выдающее его противостояние гармонии и принадлежность разрушительным началам, Гоголь с наибольшей силой демонстрирует как раз в лицемерном упоминании героем «закона»: «...Обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом» [Гоголь 2009–2010. 5: 36]. Подобное лицемерие сопоставимо разве что с «сатирической» фразой рассказчика в повести «Нос»: «Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 45]. Как замечал Гоголь в «Невском проспекте», «выражение набожности» так же идет «роже взяточника», как «бухгалтерская книга поэту» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 17].

Сходные лицемерно-благочестивые реплики свойственны герою-мошеннику гоголевских «Игроков»: «Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: “Господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право, увлекусь”» [Гоголь 2009–2010. 3/4: 385].

В отличие от своих героев, жонглирующих высокими понятиями, Гоголь действительно считал обязанности государственной службы священными. Отношение к исполнению долга как самой цели жизни человека составляет ядро гоголевских религиозно-политических взглядов. «Долг — Святыня. — писал он. — Человек счастлив, когда исполняет долг» [Гоголь 2009–2010. 6: 296]. В статье «Страхи и ужасы России» Гоголь замечал: «Служить <...> теперь должен из нас всяк не

так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос...» [Гоголь 2009–2010. 6: 131]. Именно исполнение долга составляет главное утешение и смысл жизни гоголевских запорожцев.

Комические, обличающие героев лицемерные фразы о «законе» и «долге» вполне характеризуют авторскую направленность «сатиры» Гоголя, не имеющую ничего общего с радикальными интерпретациями. Предметом гоголевских обличений всегда являлись не «коренные законы нашего Государства», но всевозможные их «извращения», т. е. преступления своекорыстные, противоположные служебному долгу. Говоря о своих произведениях, Гоголь в неотправленном письме к Белинскому указывал: «Когда [я писал их, я благоговел п] <ред тем, пред> чем человек должен благо<го>веть. Насмешк<a> [и нелюбовь слышалась у меня] *не над Властью, не над коренными законами* нашего Государства, но над извращением, над уклонениями, над неправильными толкованиями, над дурным <приложением>, над струпом, который накопился...» [Гоголь 2009–2010. 14: 383].

В письме В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь отмечал: «Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться, — вот происхождение “Ревизора”! Это <...> произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступление некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка» [Гоголь 2009–2010. 15: 11].

Деятельность «комиков» Фонвизина и Грибоедова и самого себя Гоголь рассматривал именно как прямое продолжение многолетних, многовековых усилий правительства во главе с Государем по укреплению, развитию России, по искоренению злоупотреблений среди подданных: «Наши комики двинулись общественной причиной, а не собственной, восстали <...> против целого множества злоупотреблений... <...> Общество сделали они как бы собственным своим телом... <...> Это — продолжение той же брани света со тьмой, внесенной в Россию Петром, которая всякого благородного русского делает уже невольно ратником света» [Гоголь 2009–2010. 6: 187]. Называя Моисея и Гомера «законодателями веков минувших» [Гоголь 2009–2010. 14: 412],

Гоголь в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским» Гоголь замечал: «...“Одиссея” есть вместе с тем самое нравственнейшее произведение и что единственно затем и предпринята древним поэтом, чтобы в живых образах *начертать законы* действий тогдашнему человеку. <...> ... Божественный старец, законодатель и своего и грядущих поколений... <...> хотел <...> облечь во всю обворожительную красоту поэзии то, что хотел бы утвердить навеки в людях, <...> напомнить человеку лучшее и святейшее... <...> ...Всякая малейшая черта в “Одиссее” говорит о внутреннем желании поэта всех поэтов оставить древнему человеку живую и полную книгу *законодательства*... <...> Благоухающими устами поэзии навевается на души то, чего не внесешь в них никакими законами и никакой властью!» [Гоголь 2009–2010. 6: 28–30, 34]. По словам Гоголя, в произведениях Г. Р. Державина «слышно <...> стремление *начертать закон* правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях» [Гоголь 2009–2010. 6: 159].

Этот «законодательный», проправительственный характер гоголевского творчества в самой его «сатире» радикальные идеологи более полутора веков «видя не видели, и слыша не слышали». Говорилось о том, что произведения Гоголя имеют глубокое воспитательное значение, нравственное влияние, но из-за преобладания интереса к сатире на чиновничество, в тени оставалось государственное мышление писателя. Очевидно, что гоголевские обличения, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки...», всегда находились в русле правительственных начинаний и многовековых усилий Церкви по духовному воспитанию русского человека.

* * *

В правительственных указах Гоголю была важна не только официальная составляющая. За «буквой закона», за стремлением соблюсти «форменный и узаконенный порядок» он видел подлинную суть усилий правительства. Пафос гоголевских «законнических» обличений не просто подает «помочь и крылья» государственным постановлениям, но совпадает с направленностью решений, ориентированных на укрепление христианской нравственности. Потому «административные» и «церковные» преступления, отступления от гражданских и от христианских обязанностей стоят у Гоголя в одном ряду. Эта особенность вытекает из самого характера законодательства гоголевской эпохи.

В православной державе многие законы непосредственно основываются на христианских и библейских заповедях, порой их просто повторяя. Такая близость светских и церковных постановлений является для любого христианского государства вполне естественной: правительственные указы и распоряжения почти всегда неразрывно связаны с законами Церкви. Гражданские законы конкретизировали, приближали церковные «вечные» правила к условиям современной жизни, обеспечивая применение церковных узаконений к новым потребностям и обстоятельствам. Общим ориентиром служили здесь слова Спасителя о заповедях блаженств: «...Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном» (Мф. 5, 19); и слова псалма: «Блаженны <...> ходящие в законе Господнем» (Пс. 118, 1).

Подразумевая безусловный приоритет законов Церкви, Гоголь в статье о театре в «Выбранных местах из переписки с друзьями» упоминал о «таком уголовном преступлении, каково есть непризнание Бога в том виде, в каком повелел признавать Его Сам Божий Сын» [Гоголь 2009–2010. 6: 65], а в «Правиле жития в мире» подчеркивал: «Любить Бога следует так, <...> чтобы законы Его были выше для нас всех постановлений человеческих...» [Гоголь 2009–2010. 6: 300]. В «Авторской исповеди» Гоголь добавлял: «Не забывать <...> нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному, и потому иметь в виду Его закон» [Гоголь 2009–2010. 6: 244].

Сходство, а порой и единство гражданских постановлений и христианских заповедей демонстрирует, к примеру, полицейский Устав Благочиния, утвержденный Императрицей Екатериной II в 1782 г. Частному приставу в нем предписывалось «бдение, дабы <...> ничто не принималось закон Божий нарушающее <...> <и> чтоб <...> ничто не принималось противное службе Императорского Величества и общему добру»¹. Многие положения этого Устава являются прямыми цитатами из Священного Писания: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь <ср. Деян. 15, 29>. <...> Блажен, кто и скоты милует... <ср. Прит. 12, 10> <...> Муж да прилепится к своей жене в согласии и

¹ 15.379. — 1782. Апреля 8. Устав Благочиния или Полицейский // Полн. собр. законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 21. С 1781 по 1783. С. 470.

любви... <ср. Мф. 19, 5> <...> Воздержание от взяток; ибо ослепляют глаза, и развращают ум и сердце, уста же налагают узду <ср. Сир. 20, 29>»¹ (пометы, приведенные в угловых скобках, указывают, что здесь цитируются строки из Деяний Апостольских, Книги Притч, Евангелия от Матфея, из Книги Иисуса, сына Сирахова).

Понятно, почему завет руководствоваться христианскими заповедями Гоголь считал в полной мере применимым и к гражданским законам. Проблему здесь Гоголь видел лишь в том, чтобы и в этом вопросе навести должный порядок (частично нарушенный петровскими преобразованиями): сделать так, «чтобы гражданскому закону отдано было действительно только то, что должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаям возвращено было то, что должно оставаться во власти обычаев, и чтобы за Церковь вновь утверждено было то, что должно вечно принадлежать Церкви» [Гоголь 2009–2010. 6: 150].

Со стремлениям правительства следовать наиболее значимым, традиционным общественным и христианским ценностям контрастировала деятельность критика и постоянного гоголевского «оппонента» Белинского — убежденного атеиста и противника традиционной русской государственности. Возражая на слова Гоголя в «Переписке с друзьями» о том, что Церковь «одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, <...> заставив у нас всякое сословье <...> войти в их законные границы» [Гоголь 2009–2010. 6: 35–36], критик заявлял, что России нужны «права и законы, сообразные не с учением Церкви» [Гоголь 2009–2010. 14: 368]. Прямо «по рецепту» Белинского после 1917 г. все дореволюционные государственные установления и общественные институты, связанные с православными правилами и заветами, а также церковная жизнь были разрушены.

* * *

Традиционным для литературоведения всегда было стремление к открытию смысла, который автор вложил в произведение. Однако применительно к изучению гоголевского наследия чрезвычайно важно обнаружить еще и волевой импульс автора, намерение, с которым создавался тот или иной гоголевский образ, т. е. побудительное начало творчества. Для Белинского таким импульсом был настрой оппозиционный. Критический пафос Гоголя, обладавшего всеми чер-

¹ Там же. С. 464–465.

тами мыслителя-государственника (подобного Кармазину, Уварову, Погодину, Шевыреву и др.), был по своей сути созидательным. Гоголь выступал за укрепление традиционных ценностей, т. е. против вольных или невольных их искажителей и разрушителей — будь то сторонники оппозиции («правой» или «левой», с одинаковой, «не по разуму», ревностью) или недостойные представители самой власти (сделанные, согласно гоголевским взглядам, из того же «теста», что и остальное русское общество: «правительство состоит из нас же», — писал Гоголь Белинскому).

«Законодательное», «волевое» и педагогическое начало сосуществуют в наследии Гоголя на уровне поэтики. Писатель заботился не только о реалистичности образов, красоте слога и смысле произведения, но и о силе воздействия слова на читателя, о деятельном впечатлении, которое воспитывает человека и побуждает к жизни по христианским заповедям. В 1836 г., в одной из рецензий, написанных для пушкинского «Современника», Гоголь отметил: «Живой пример *сильнее* рассуждения, и никогда мысль не кажется нам <...> так *оглушительна* своим величием, как <...> когда разрешается пред нами живым, знакомым миром... <...> Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. <...> И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление *осуществить, окрылить* <...> какую-нибудь мысль» [Гоголь 2009–2010. 7: 495]. Позднее в письме к А. О. Смирновой он замечал: «... Не будет *сильно* и свято наше слово, если не освятим самые уста, произносящие слово» [Гоголь, 2009–2010. 13: 81].

В том же 1836 г. Гоголь указывал, что как в России, так и в Западной Европе среди читателей всегда была сильна «охота к чтениям нравственным»: «Читатели требовали назидательных, питательных сочинений...» [Гоголь 2009–2010. 7: 493]. Гоголь отмечал, что «для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтения»: кроме «Путешествий в Иерусалим», которые «производят действие магическое в нашем народе», которые «больше всего и благоговейнее всего читаются», — «прочие книги русский народ читает для <того> только, чтобы прочесть что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги» [Гоголь 2009–2010. 7: 491].

Конечная цель евангельских притч и соответствующих им светских художественных произведений заключаются, по Гоголю, не в эстетическом наслаждении. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он писал: «Театр и театр — две разные вещи, равно как и восторг самой публики бывает двух родов: иное дело восторг оттого, когда какая-нибудь балетная танцовщица подымет ногу повыше, и опять иное дело восторг оттого, когда могущественный лицедей потрясающим словом подымет выше все высокие чувства в человеке. Иное дело — слезы оттого, что какой-нибудь заезжий певец расщекотит музыкальное ухо человека, <...> и опять иное дело — слезы оттого, когда живым представленьем высокого подвига человека весь насквозь просвежается зритель и по выходе из театра принимается с новой силою за долг свой...» [Гоголь 2009–2010. 6: 66–67].

Согласно Гоголю, главная цель его художественных произведений — привести человека к соблюдению «первейших и священнейших законов Христа» [Гоголь 2009–2010. 6: 201]. Эту первостепенную задачу христианской проповеди Гоголь учитывал в своей творческой деятельности с самого начала. Характерный пример можно найти в одной из первых его повестей, в журнальной редакции «Вечера накануне Ивана Купала». Гоголь устами рассказчика (с точки зрения если не священника, то, во всяком случае, человека заинтересованного в действенности духовных поучений) упоминал здесь о проблеме проповеди. По следующим строкам можно судить, как смотрел Гоголь на своих героев, Черевиков, Пацюков, Солох, Довгочунов, равнодушных к христианскому поучению: «Ну, тогдашние времена были пожестче наших. Тетка моего деда говорила, что несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти, которые они со всем усердием показывали в продолжение его речей» [Гоголь 1830: 251]. Аналогичное рассуждение встречается в статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»: «Г. Шевырев показал в статье своей благородный порыв <...>, но на большинство публики эта статья решительно не сделала никакого впечатления»; статья «скользнула по «Библиотеке для Чтения», как пуля по толстой коже носорога, от которой даже не чихнуло тучное четвероногое» [Гоголь 2009–2010. 7: 474].

В духовном завещании, призывая своих родных сделать из родового имени монастырь, Гоголь замечал: «Воспитанье самое простое: Закон

Божий да бесперывное упражненье в труде на воздухе около сада или огорода» [Гоголь 2009–2010. 6: 413]. «Русскому помещику» Гоголь тоже советовал: «Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки, которые издают для народа европейские человеколюбцы, есть <...> вздор» [Гоголь 2009–2010. 6: 112–113]. По словам «издателя» первой книги гоголевских повестей, пасичника Рудого Панька, «печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 82]. Обличая бездумное словотворчество, пасечник говорит об одном из рассказчиков «Вечеров...», «гороховом паниче»: «...Пойдет рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов набрался таких! <...> стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 84]. Сельский дьяк Фома Григорьевич вторит в этом пасичнику: «Знаю, что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов, не разобрали бы ни аза в нем...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 114].

Критику заумной, бесплодной или служащей обману и «беззаконию» схоластики, подмены законов тщетной «философией», составленной «по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (Кол. 2, 8), Гоголь пронес через все свое творчество [Виноградов 2016]. Эту же мысль о подлинном назначении «грамотности» Гоголь высказывает и в своем обращении к «русскому помещику»: «Если в ком истинно уже зародится охота к грамоте, и притом вовсе не затем, чтобы сделаться плутом-контрщиком, но затем, чтобы прочесть те книги, в которых начертан Божий закон человеку, — тогда другое дело. Воспитай его как сына и на него одного употреби все, что употребил бы ты на всю школу» [Гоголь 2009–2010. 6: 113].

* * *

Неизменная ориентация Гоголя в его обличениях на церковные установления, требования морали, правительственные указы естественно придавала его писательской деятельности особый характер¹. Кроме

¹ Вообще говоря, тесная связь художественного творчества Гоголя с его постоянным вниманием к юридической сфере не должна удивлять уже потому, что в гоголевских произведениях можно обнаружить, к примеру,

Библии и агиографической литературы, Гоголь обращался к целому ряду духовных изданий. Показательно в этом отношении, к примеру, составление им выписок из церковной «Книги правил». Это вышедшее в 1839 г. издание представляет собой сокращенную Кормчую, — книгу, в которой содержится свод наиболее важных, направляющих («окормляющих») правил, значимых для всей Церкви. Закономерным было составление Гоголем обширных выписок из творений святых Отцов, из знаменитой «Лестницы» преподобного Иоанна Синайского, из «Домостроя» протопопа Сильвестра (в последней книге, как известно, содержатся не только духовно-нравственные наставления, но и обстоятельные «законы» русской жизни и хозяйствования в целом).

Единая законотворческая, законоориентированная писательская деятельность Гоголя объясняет и то, почему в круге его чтения, на-

не менее «странное», на первый взгляд, слияние нравственности с... географией. В «Ночи перед Рождеством» рассказчик замечает: «Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село...» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 207]. В статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь пояснял: «Как будто бы этим подтвердилось правило, что только народ сильный жизнью и характером ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ» [Гоголь 2009–2010. 7: 162]. Рассказчик «Страшной мести», в свою очередь, замечает: «Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга, на зеленые леса! Горы те — не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо» [Гоголь 2009–2010. 1/2: 211]. Позднее, в статье «Об архитектуре нынешнего времени», Гоголь опять пояснял свою мысль: «Весьма не мешает вспомнить великую старую истину, что народ не в силах понять религии в такой же самой чистоте и бестелесности, как получившие высшее образование; что на него более всего производят впечатление видимые предметы; что чем меньше этот видимый предмет на него действует, тем слабее его энтузиазм и простая вера. Великолешие повергает простолюдина в какое-то онемение, и оно-то единственная пружина,двигающая диким человеком» [Гоголь 2009–2010. 7: 264].

Наряду с географией, таким же не достаточно привлекающим внимание исследователей аспектом является отражение в художественных произведениях Гоголя его взглядов как историка. Словом, в целом традиционные филологические методы в изучении писательского наследия Гоголя должны приобретать более конкретный, или «предметный», ориентированный на своеобразие собственно гоголевского художнического видения «авторский» характер.

ряду с церковной литературой, неизменно находились официальные правительственные издания — «Полное собрание законов Российской Империи», «Журнал Министерства Внутренних Дел» (хотя что, казалось бы, Гоголю до полицейского журнала; тем не менее, интерес к этому изданию он сохранил до конца жизни [Виноградов 2019с]). В «Журнале Министерства Народного Просвещения», выходившем под началом Уварова, Гоголь даже печатался (подробнее см.: [Виноградов 2020]).

Кроме того, Гоголь читал «Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые при Статистическом отделении Совета Министерства Внутренних Дел» (СПб., 1839–1841), «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел» (СПб., 1819–1826), внимательно штудировал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, свод законодательных актов о Малороссии графа К. Г. Разумовского, книгу Николая Иванова «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении» (СПб., 1837) и др. Естественно, о важнейших мероприятиях правительства Гоголь узнавал и из газетных публикаций.

Ориентация на церковные установления и правовые гражданские постановления обеспечивала то, что за гоголевскими сатирическими образами вставала огромная законодательная и нравственная база, масштабная идеологическая основа и — вследствие этого — понимание конкретных задач государственного строительства, видение реального состояния общества и перспектив его развития. В статье «Светлое Воскресенье» Гоголь писал: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. “Хуже мы всех прочих” — вот что мы должны всегда говорить о себе. Но есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней» [Гоголь 2009–2010. 6: 203].

В этом свете становится понятным, почему обличению Гоголя подвергалась некомпетентность в осмыслении государственных про-

блем «частным» человеком, не обладающим достаточным кругозором для уяснения общенациональных проблем. Сознвая непреходящую важность духовно-нравственных заветов, глубокую социальную значимость гражданской законотворческой системы, Гоголь был решительно против безответственного, не основанного на тщательном изучении государственных проблем, манипулирования общественным сознанием представителями самых разных идеологических течений. Вера в народ, одинаково присущая «восточникам» и западникам, сочеталась у Гоголя с далеким от социалистических иллюзий трезвым пониманием падшести человеческого естества, и та разность между идеальными представлениями о государстве и реальной государственностью, которая делала друзей и единомышленников писателя, славянофилов, либералами и оппозиционерами (объединяя их с западным польским славянофильством и с отечественными западниками), для самого Гоголя как славянофила-государственника, вследствие его основательной осведомленности в вопросах государственного устройства, понимания реальных проблем страны, практически не существовала [Виноградов 2019a].

Одним из основополагающих, сквозных мотивов творчества Гоголя является тема отпадения человека от данного ему Божественного откровения — тема преступления христианских заповедей ради пустых — продиктованных тщеславием и гордостью — светских приличий, или же нарушение заповедей ради плотских, греховных удовольствий. В основе гоголевских обличений лежит мысль о неисполнении человеком своего предназначения, о нарушении служебного долга, конкретного церковного или гражданского закона, о пренебрежении христианскими правилами, об утрате смысла жизни, открытого в Священном Писании и предании. Весь свод, вся совокупность гражданских и церковных узаконений, все «Полное собрание законов Российской Империи» были в полной мере органичной и плодотворной творческой лабораторией художника, по слову псалма: «Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть» (Пс. 118, 97).

Список литературы

Белых А. А. Мог ли Пушкин вернуть долги? // Экономическая политика. 2019. № 3. С. 178–191.

<Боплан Г.> Описание Украйны. Соч. Боплана. Перевод с французского. СПб.: В Типографии Карла Крайя, 1832. 178 с.

<Булгаков К. Я.> Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский Архив. 1903. № 6. С. 167–219.

Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетике: в 4 т. Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. Т. 4. 416 с.

Виноградов И. А. ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 1. С. 504–541.

Виноградов И. А. Гоголь — историк и наблюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. М.: Фестпартнер, 2010. С. 120–127.

Виноградов И. А. Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1–7.

Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. Научно-популярное издание. М.: Вече, 2018. 320 с. (а)

Виноградов И. А. «Огорченные люди» в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114. (b)

Виноградов И. А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 2. С. 38–63. (а)

Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 111–134. (b)

Виноградов И. А. Князь В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь и «Журнал Министерства Внутренних Дел»: К постановке проблемы // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского. М.: Водолей, 2019. С. 58–70. (с)

Виноградов И. А. «На поприще полемическом»: Гоголь — журналист и публицист // Очерки истории русской публицистики первой трети XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2020.

<Вяземский П. А., князь> В. «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2. С. 285–309.

Гиляровский В. А. По следам Гоголя // Соч.: в 4 т. М.: Правда, 1967. Т. 2. С. 390–414.

Говоруха-Отрок Ю. Н. Чему нас учит Гоголь? // Говоруха-Отрок Ю. Н. Во что веровали русские писатели? Литературная критика и религиозно-философская пу-

блидистика / издание подготовили А. П. Дмитриев и Е. В. Иванова. СПб.: Росток, 2012. Т. 1. С. 760–768.

<Гоголь Н. В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>: АН СССР, 1940.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17.

<Гоголь-Яновский В. А.> Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом. Комедия в одном действии. Сочинение Василия Афанасьевича Гоголя (отца Николая Васильевича) // Основа. 1862. № 2. <Отд. 2>. С. 19–43.

Гузаиров Т. Т. В поисках идеального правителя: Жуковский при дворе Николая I // Тыняновский сборник. Выпуск 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. С. 53–61.

Десницкий В. А. Задачи изучения жизни и творчества Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 2. С. 1–105.

Ильин И. А. Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. 3 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. С. 240–276.

Иофанов Д. М. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 432 с.

Котляревский Н. А. Николай Васильевич Гоголь. 1829–1842. Очерк из истории русской повести и драмы. 2-е изд., испр. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 580 с.

Кюхельбекер В. Смерть Байрона // Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Ф. Одоевским и В. Кюхельбекером. М.: В Типографии Императорского Московского Театра, 1824. Ч. 3. С. 192–199.

Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 759 с.

Опрежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122. С. 345–356.

Пушкин А. С. <История Петра. Подготовительные тексты> // Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1938. Т. 10. С. 1–291.

Пушкин А. С. История Петра I. Подготовительный текст // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 8. С. 7–362.

<Розенкамф Г. А., барон>. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. Соч. Барона Розенкамфа. М.: В Университетской типографии, 1829. 318 с.

Столянский П. Заметки на полях Гоголя. (Историко-библиографические примечания) // Ежегодник Императорских театров. 1910. Вып. VI. С. 63–72.

Тихонравов Н. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н. В.> Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 5. С. 541–682.

<Уваров С. С.> Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. 138–145.

Шевырев С. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Москва. В Универ. Типогр. 1842. В 8-ку, 475 стран. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7 (ценз. разр. 10 авг.). С. 207–228.

Шевырев С. Критический перечень произведений Русской Словесности за 1842 год // Москвитянин. 1843. № 1. С. 273–298.

Шевырев С. П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году. СПб., 1884. 280 с.

Scèveiref S., Rubini G. Storia della letteratura Russa. Firenze, 1862. 346 p.

References

Belykh A. A. *Mog li Pushkin vernut' dolgi?* [Could Pushkin repay debts?]. *Ekonomicheskaiia politika* [Economic policy], 2019, № 3, pp. 178–191. (In Russ.)

Boplan G. *Opisanie Ukrainy. Soch. Boplana* [Description of Ukraine. Op. Boplan]. Translation from french. St. Petersburg: In the Printing House of Karl Kraj Publ., 1832, 178 p. (In Russ.)

Bulgakov K. Ia. *Iz pisem Konstantina Iakovlevicha Bulgakova k bratu ego Aleksandru Iakovlevichu* [From letters of Konstantin Yakovlevich Bulgakov to his brother Alexander Yakovlevich]. *Russkii Arkhiv* [Russian Archive], 1903, № 6, pp. 167–219. (In Russ.)

Varnava (Beliaev), Bishop. *Osnovy iskusstva sviatosti. Opyt izlozheniia pravoslavnoi asketiki* [The basics of the art of holiness. The experience of the presentation of Orthodox asceticism]. In 4 vols. Nizhny Novgorod: Edition of the Brotherhood in the Name of the Holy Prince Alexander Nevsky Publ., 1998, vol. 4, 416 p. (In Russ.)

Vinogradov I. A. ...*I po tu, i po etu storonu Dikan'ki* [...On both sides of this Dikanka]. Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t.* [Complete works and letters: In 17 vols]. Moscow, Kiev, 2009, vol. 1, pp. 504–541. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' — istorik i nabliudatel' byta. (K istorii i psikhologii "obshchestva potrebleniia")* [Gogol — historian and observer of life. (On the history and psychology of the “consumer society”). N. V. Gogol' i ego tvorcheskoe nasledie. Desiatye Gogolevskie chteniia [N. V. Gogol and his creative heritage. Tenth Gogolev readings Moscow, Festpartner Publ., 2010, pp. 120–127. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Gogol' o poezii i skholastike. (K avtorskomu opredeleniiu zhanra "Mertvykh dush")* [Gogol on poetry and scholasticism. (To the author's definition of the Dead Souls genre)]. *Tvorchestvo N. V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia* [Creativity of N. V. Gogol and European Culture. Fifteenth Gogolev readings]. Moscow, Novosibirsk: Novosib. ed. house Publ., 2016, pp. 226–233. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolia (1809–1852). Nauchnoe izdanie* [Chronicle of the life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication]. In 7 vols. Moscow, IMLI RAS Publ., 2017–2018, Vols. 1–7. (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Strasti po Gogoliu. O dukhovnom nasledii pisatel'ia. Nauchno-populiarnoe izdanie* [Passion for Gogol. On the spiritual heritage of the writer. Popular science publication]. Moscow, Veche Publ., 2018, 320 p. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. «Ogorchennye liudi» v tvorchestve N. V. Gogolia ["Grived People" in the Works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2018, vol. 16, № 4, pp. 29–114. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Slavianofil-gosudarstvennik. Gogol' v dvizheniiakh epokhi* [Slavophile-statesman. Gogol in the movements of the era]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2019, vol. 1, № 2, pp. 38–63. (a) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Obraz monarkha-nastavnika v tvorchestve N. V. Gogolia* [The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2019, vol. 17, № 2, pp. 111–134. (b) (In Russ.)

Vinogradov I. A. *Kniaz' V. F. Odoevskii, N. V. Gogol' i "Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del": K postanovke problemy* [Prince V. F. Odoevsky, N. V. Gogol and "Journal of the Ministry of Internal Affairs": To the statement of the problem]. *Literatura i filosofii: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiiu so dnia smerti V. F. Odoevskogo* [Literature and Philosophy: From Romanticism to the 20th Century. On the 150th anniversary of the death of V. F. Odoevsky]. Moscow, Vodolei Publ., 2019, pp. 58–70. (c) (In Russ.)

Vinogradov I. A. «Na poprishche polemicheskoi»: *Gogol' — zhurnalist i publitsist* ["In the field of the polemic": Gogol — journalist and publicist]. *Ocherki istorii russkoi publitsistiki pervoi treti XIX veka* [Essays on the history of Russian journalism in the first third of the XIX century]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2020. (In Russ.)

Viazemskii P. A., Prince. «Revizor». *Komediia. Sochinenie N. Gogolia. Sankt-Peterburg. 1836* [The Government Inspector. Comedy. Composition by N. Gogol. St. Petersburg. 1836]. *Sovremennik* [Contemporary], literary journal published by Alexander Pushkin, 1836, vol. 2, pp. 285–309. (In Russ.)

Giliarovskii V. A. *Po sledam Gogolia* [In the footsteps of Gogol]. *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1967, vol. 2, pp. 390–414. (In Russ.)

Govorukha-Otrok Iu. N. *Chemu nas uchiit Gogol'?* [What does Gogol teach us?]. *Govorukha-Otrok Iu. N. Vo chto verovali russkie pisateli? Literaturnaia kritika i religiozno-filosofskaia publitsistika* [What did Russian writers believe in? Literary criticism and religious-philosophical journalism], publication were prepared by A. P. Dmitriev and E. V. Ivanova. St. Petersburg: Rostock, 2012, vol. 1, pp. 760–768. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Bisavriuk, ili Vecher nakanune Ivana Kupala. Malorossiiskaia povest' (iz narodnogo predaniia), rasskazannaia d'iachkom Pokrovskoi tserkvi* [Bisavryuk, or Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian story (from folk tradition), narrated by the clerk of the Intercession Church]. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes], 1830, part 41, February, № 1186, pp. 238–264. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.: V 14 t.* [Complete Works. In 14 vols]. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1940. (In Russ.)

Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch. i pisma: V 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters. In 17 vols. (15 books)], compilation, preparation of texts and comments by I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev. Moscow; Kiev: Publishing House of the Moscow Patriarchate Publ., 2009–2010, vol. 1–17. (In Russ.)

Gogol'-Ianovskii V. A. *Prostak, ili Khitrost' zhenshchiny, perekhitrennaia soldatom. Komediia v odnom deistvii. Sochinenie Vasiliia Afanasievicha Gogolia (otsta Nikolaia Vasilevicha)* [Simpleton, or the Cunning of a woman outwitted by a soldier. Comedy in one action. The work of Vasily Afanasevich Gogol (father of Nikolai Vasilevich)]. *Osnova* [Basis], 1862, № 2, dep. 2, pp. 19–43. (In Russ.)

Guzairov T. T. *V poiskakh ideal'nogo pravitelia: Zhukovskii pri dvore Nikolaia I* [In search of the ideal ruler: Zhukovsky at the court of Nicholas]. *Tynianovskii sbornik. Vypusk 13: XII–XIII–XIV Tynianovskie chteniia. Issledovaniia. Materialy* [Tynianovsky collection. Issue 13: XII — XIII — XIV Tynianov readings. Research. Materials]. Moscow: Vodolei Publ., 20096, pp. 53–61. (In Russ.)

Desnitskii V. A. *Zadachi izucheniia zhizni i tvorchestva Gogolia* [Tasks of studying the life and work of Gogol]. *N. V. Gogol'. Materialy i issledovaniia* [N. V. Gogol. Materials and research]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1936, vol. 2, pp. 1–105. (In Russ.)

Il'in I. A. *Gogol' — velikii russkii satirik, romantik, filosof zhizni* [Gogol — the great Russian satirist, romantic, philosopher of life]. Il'in I. A. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Collected works: In 10 vols]. Moscow: Russian Book Publ., 1997, vol. 6, book 3, compilation and commentary by Yu. T. Lisitsy, pp. 240–276. (In Russ.)

Iofanov D. M. *N. V. Gogol'. Detskie i iunosheskie gody* [N. V. Gogol. Children and teenagers]. Kiev: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1951, 432 p. (In Russ.)

Kiukhel'beker V. *Smert' Bairona* [The Death of Byron]. *Mnemozina, sobranie sochinenii v stikhakh i proze, izdavaemaia Kniazem V. F. Odoevskim i V. Kiukhel'bekerom* [Mnemosyne, Collected Works in Poems and Prose, published by Prince V. V. Odoevsky and V. Küchelbecker]. Moscow, In the Printing House of the Imperial Moscow Theater, 1824, part 3, pp. 192–199. (In Russ.)

Kotliarevskii N. A. *Nikolai Vasil'evich Gogol'. 1829–1842. Ocherk iz istorii russkoi povesti i dramy* [Nikolay Vasilyevich Gogol. 1829–1842. Essay on the history of Russian novels and drama]. 2nd edition, revised. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich Publ., 1908, 580 p. (In Russ.)

Lermontov M. Iu. *Soch.: V 6 t. T. 5.* [Works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 759 p. (In Russ.)

O prezhnikh pravakh, vol'nostiakh i preimushchestvakh Malorossiian [About former rights, liberties and advantages of Little Russians]. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes], 1830, part 42, June, № 122, pp. 345–356. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Istoriia Petra. Podgotovitel'nye teksty* [History of Peter. Preparatory texts Pushkin.]. Pushkin. *Poln. sobr. soch.: v 16 t.* [Complete works: in 16 vols]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1938, vol. 10, pp. 1–291. (In Russ.)

Pushkin A. S. *Istoriia Petra I. Podgotovitel'nyi tekst* [History of Peter I. Preparatory text]. Pushkin A. S. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow, State publishing house of fiction Publ., 1962, vol. 8, pp. 7–362. (In Russ.)

Rozenkamp G. A., Baron. *Obozrenie Kormchei knigi v istoricheskom vide. Soch. Barona Rozenkampfa* [Review Kormcha books in historical form. Op. Baron Rosenkampf]. Moscow, At the University Printing House Publ., 1829, 318 p. (In Russ.)

Stolpianskii P. *Zametki na poliakh Gogolia. (Istoriko-bibliograficheskie primechaniia)* [Notes on the fields of Gogol. (Historical and bibliographic notes)]. *Ezhegodnik Imperatorskikh teatrov* [Yearbook of the Imperial Theaters], 1910, issue VI, pp. 63–72. (In Russ.)

Tikhonravov N. *Primechaniia redaktora i varianty* [Notes of the editor and options]. Gogol' N. V. *Soch. N. V. Gogolia. 10-e izd.* [Works of N. V. Gogol. 10th edition], the text is verified with the author's own manuscripts and the initial editions of his works by N. Tikhonravov. Moscow, 1889, vol. 5, pp. 541–682. (In Russ.)

Shevryev S. *Pokhozhdeniia Chichikova, ili Mertvyie dushi. Poema N. Gogolia. Moskva. V Universitetskoi Tipografii 1842. V vos'merku, 475 stranits. Stat'ia pervaiia* [Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol. Moscow. At the University Printing House 1842. In the eight, 475 pages. Article One]. *Moskvitianin*, 1842, № 7, pp. 207–228. (In Russ.)

Shevryev S. *Kriticheskii perechen' proizvedenii Russkoi Slovesnosti za 1842 god* [A critical list of works of Russian Literature for 1842]. *Moskvitianin*, 1843, № 1, pp. 273–298. (In Russ.)

Shevryev S. P. *Lektsii o russkoi literature, chitannye v Parizhe v 1862 godu* [Lectures on Russian literature delivered in Paris in 1862]. St. Petersburg, 1884. 280 p. (In Russ.)

Uvarov S. S. *Zamechaniia Frantsuzskikh gazet kasatel'no rasporiasheniia Russkogo Pravitel'stva o chastnykh Pansionakh* [Observations of French newspapers regarding the order of the Russian Government on private Boarding Houses]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education], 1834, № 4, pp. 138–145. (In Russ.)

Scevryev S., Rubini G. *Storia della letteratura Russa* [History of Russian literature]. Firenze, 1862, 346 p. (In Italian)